

NO. 1873

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

СОРОКОВОЙ ТОМЪ

ВОСЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Невскомъ просп., у Казан. моста,
№ 30.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулочъ,
№ 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1873.

МОЯ ПОЪЗДКА

ВЪ

БУХАРУ.

Путевыя наблюденія и замѣтки.

Знавіе истиннаго положенія дѣла, которое насъ почему-нибудь интересуесть, есть первое условіе къ тому, чтобы привести такое дѣло къ какому-нибудь концу и безошибочно руководить имъ. Это — одна изъ заповѣдей политики, которая, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ и имѣетъ судьбу заповѣдей: весьма часто приходится и нашимъ политикамъ, и нашимъ публицистамъ, говорить по поводу этой заповѣди — грѣшечь! Мнѣ представился случай въ прошедшемъ году побывать въ одномъ изъ главныхъ центровъ Средней Азіи и познакомиться близко съ людьми и ихъ дѣлами; я вспомнилъ при этомъ, что толкуется у насъ о средне-азиатскомъ вопросѣ, и тогда только понялъ, насколько криво ставится этотъ вопросъ и въ нашей публицистикѣ, и въ практической жизни. Наши завоеванія въ Средней Азіи первоначально сдѣланы были болѣе или менѣе случайно, и впоследствии нашли себѣ оправданіе въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, говорили, эти завоеванія открываютъ намъ рынки для сбыта нашихъ мануфактурныхъ произведеній, а во-вторыхъ, даютъ намъ возможность путемъ восточныхъ отношеній вліять на западныхъ. Первое изъ этихъ положеній не выдерживаетъ даже и снисходительной критики, ибо наши рынки были открыты гораздо ранѣе, да и откры-

вать ихъ очень широко не приходилось надобности, когда половина русскаго населенія ходитъ еще въ самотканной заглазѣ и сермягѣ; второе же положеніе—далеко недостигнуто. Взглянуть на западныя отношенія можно только изъ Бухары—политическаго и торговаго центра Средней Азіи, а Бухара пока еще въ рукахъ у эмира. Такимъ образомъ, не уясня передъ собой пути и создавая въ Ташкентѣ дефициты, достигшіе въ прошедшемъ году до 6 м. руб. ¹⁾, мы не можемъ смѣло взглянуть въ глаза среднеазиатскому вопросу. Изъ двухъ ханствъ (Бухары и Кокана) наши публицисты начали созидать въ своемъ воображеніи какія-то государства, сознающія свои цѣли и потребности и понимающія международныя отношенія. Изъ ничтожнѣйшихъ, невѣжественныхъ, на-половину разбойниковъ и на-половину торгашей, эмира и хана, мы сдѣлали (опять-таки въ нашемъ воображеніи) государей и хотимъ вразумлять ихъ мирной политикѣ и благодѣяніямъ цивилизаціи. А они, прижатые нами, только и думаютъ, какъ-бы насъ надуть и выжить изъ Средней Азіи. Мирная политика наша кажется имъ слабостію, дружескія завѣренія—лицемѣріемъ. Какимъ образомъ мы не беремъ того, что легко взять можемъ? Этого ни голова эмира, ни голова хана вмѣстить никакъ не могутъ. Будь они на нашемъ мѣстѣ, думаютъ они,—они порѣшили бы этотъ вопросъ немедленно и взяли бы все то, что могутъ взять, забывъ въ одну минуту всѣ наши добрыя внушенія о пользѣ мира, торговли и о выгодахъ цивилизаціи. Словомъ, они были бы искреннѣе, еслибы только были сильнѣе. Вотъ впечатлѣніе, которое я вынесъ изъ своего личнаго знакомства, встрѣтившись лицомъ въ лицу съ нашими любезными сосѣдями.

Я выѣхалъ въ Бухару еще весною прошедшаго года и дорогою записывалъ все, что мнѣ удалось видѣть и слышать, съ цѣлью подѣлиться потомъ съ соотечественниками своими путевыми наблюденіями и замѣтками. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ, о которыхъ я скажу ниже, я предполагалъ начать свой дневникъ съ Самарканда, но преждевременный уходъ нашихъ арбъ съ моими вещами прямо на Чирачкѣй, минуя Шахрисабъ,

1) Дефициты:	1868 г.	3.856,000
	1869 „	1.877,000
	1870 „	3.009,000
	1871 „	4.611,000
		13.814,000

Средній годовоіъ — 3.453,000; а если вчесть изъ дохода контрибуціи съ эмира (460 т.), то дефицитъ еще больше.

попѣшала мнѣ исполнить мое намѣреніе до самаго Карши, куда, навстрѣчу эмира, мы направили свой путь, и гдѣ я могъ сѣсть въ первый разъ за перо.

Рѣшившись добраться до Бухары, я постарался обставить свою поѣзду такимъ образомъ, чтобы извлечь изъ нея наиболѣе пользы какъ для пріобрѣтенія свѣдѣній, которыя меня интересовали спеціально, а именно въ отношеніи экономическомъ и финансовомъ, такъ и вообще для ознакомленія съ краемъ и его жителями. Съ этою цѣлю я взялъ съ собою, кромѣ переводчика и моего служителя-татарина, еще двухъ, преданныхъ мнѣ лицъ, между которыми и распредѣлить занятія по собиранію свѣдѣній. Молодой г. Трубочаниновъ, вызвавшійся сопутствовать мнѣ, взялъ съ собою приказчика-татарина, довольно свѣдущаго въ торговлѣ человекѣна. Такимъ образомъ, весь нашъ путешествующій караванъ, кромѣ бухарскаго посланника ¹⁾ и его 12 человекъ свиты, состоялъ изъ меня, Н. С. Трубочанинова, моего переводчика Ибрагима Юнусова, ташкентца Бай-Магомета, взятаго мною собственно для собиранія торговыхъ свѣдѣній, Хакима-Ходмси (моего мирзы) ²⁾, приказчика, моего слуги и двухъ арбъ съ нашими вещами и образцами товаровъ Турчанинова. Всѣмъ имъ я далъ передъ отъѣздомъ надлежащія инструкціи и наставленія, и при этомъ не могу не прибавить съ чувствомъ особой благодарности, пріятель мой Джурабекъ ³⁾, какъ я узналъ въ дорогѣ отъ моихъ людей, призывалъ ихъ къ себѣ, далъ имъ совѣты, какъ держать себя въ Бухарѣ и крѣпко-на-крѣпко заказалъ имъ беречь меня и слушаться. Этихъ средствъ, конечно, было бы достаточно, чтобы сдѣлать если не многое, то во всякомъ случаѣ нѣчто солидное; но дорога до Карши показала намъ, что надежды наши едва ли вполне осуществляются: насъ чествуютъ сильно, но разспрашивать не даютъ. Я хорошо сдѣлалъ, что послушался совѣта опытныхъ людей и поѣхалъ въ Бухару не incognito, а съ официальнымъ письмомъ къ эмиру. — Вотъ мой дневникъ.

¹⁾ Иссамедия-Мирахуръ, возвращавшійся изъ Ташкента въ Бухару.

²⁾ Писецъ.

³⁾ Бывшій шахрисабскій бекъ, выданный намъ (послѣ влѣтѣ Шахрисабза) команскимъ ханомъ и живущій теперь въ Ташкентѣ.

I.

21-го апрѣля (1872 г.) въ пятницу, мы выѣхали изъ Ташкента: бухарскій посланникъ съ своею свитой и моими людьми часовъ въ 7 утра, я—гораздо позднѣе, въ тарантасѣ, чтобы догнать его на первой станціи и затѣмъ ѣхать верхомъ. Звѣзда путешествующихъ, какъ сказалъ мнѣ посланникъ Мирахуръ, была намъ на пользу, ибо свѣтила съ правой, а не съ лѣвой стороны. На первой станціи въ этотъ день (почтовый) не было никакой возможности получить лошадей. Я былъ въ отчаяніи: тарантасъ уѣхать назадъ, а у меня кромѣ термометра и портрета Н. Н. Головачева ¹⁾, переданнаго мнѣ на дорогѣ К. В. Струве ²⁾, рѣшительно ничего не было. Къ счастью пришла изъ Ташкента почта; меня посадили на вьюки и довели до кишлака ³⁾ Кавунчи ⁴⁾ (между Ниязъ-Сапій и старымъ Ташкентомъ), гдѣ на ночь остановился нашъ караванъ по случаю усталости еще не привыкшихъ къ дорогѣ лошадей. Такимъ образомъ, въ первый день мы сдѣлали пути очень немного, но за то вечеръ и ночь этого дня имѣли для меня нѣкоторое значеніе; я замѣтилъ, что во время этого, хотя и небольшого перехода, между моими людьми и свитой Мирахура установились уже извѣстныя отношенія, на основаніи которыхъ я могъ принимать мѣры въ дальнѣйшемъ нашемъ путешествіи. Большинство этой свиты, люди простые, сразу подружились съ нами, тихонько выпрашивали у моего человѣка водочки, которую (между прочимъ сказать) здѣсь пьютъ преисправно, и съ такою же охотою служили мнѣ, какъ и Мирахуру. Напротивъ того, люди болѣе къ нему приближенные (кромѣ его родного брата, котораго онъ держитъ въ черномъ тѣлѣ) и хватившіе нѣчто отъ мусульманской учености, держались отъ насъ въ сторонѣ и, кажется, были шпионами. Къ этой послѣдней категоріи, къ изумленію моему, присталъ и мой мирза, возбуждившій во мнѣ излишнимъ усердіемъ и ласкательствомъ къ Мирахуру нѣкоторыя подозрѣнія. Всѣ эти, неважныя въ сущности, подробности я считаю нужнымъ замѣтить потому, что они обрисовываютъ личность самого Мирахура, о которомъ я скажу ниже. Изъ Кавунчи мы сдѣлали большой переходъ прямо до Чи-

1) Военнаго губернатора Сиръ-Дарьинской области. Портретъ послылся эмиру.

2) Чиновникъ по дипломатической части.

3) Кишлакъ—селеніе, отъ слова кышъ—зима, буквально зимовка, хотя собственно зимовки (у киргизовъ) называются кытау.

4) Кавунъ—днина, Кавунчи—Диннос, въ родѣ нашихъ названій селеній: Рыбное и т. п.

наза, гдѣ, 22-го апрѣля, насъ видѣлъ жестоко уставшими С. К. Янчевскій. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, мы передъ закатомъ солнца переправились за р. Дарью. Въ Голодной степи ¹⁾, въ лицѣ Мирахура, предсталъ мнѣ во-очію столь знакомый намъ образъ до-петровскихъ временъ боярина, путешествующаго изъ своихъ помѣстьевъ въ столицу. По зеленѣющей степи въ вечерней прохладѣ медленно двигались арбы, окруженныя верховою челядью. Въ арбѣ на мягкихъ коврахъ и подушкахъ сидѣлъ Мирахуръ и развлекалъ себя нескромными сказками своихъ челядинцевъ. За сказками слѣдовали пѣсни, за пѣснями опять сказки. Днемъ, во время жары, все останавливалось и отдыхало до вечерней прохлады. Между дѣломъ не забывались и намазы, и мой мирза, приложивъ правую руку къ уху, на манеръ заговѣвалъ, усердно выкрикивая азанъ ²⁾. Такимъ образомъ, мало-по-малу, съ небольшими вариациями, добрались мы до Ягачлы ³⁾, 23-го апрѣля въ 8 часовъ вечера. Здѣсь застигла насъ феноменальная гроза. Изъ Ягачлы я выѣхалъ позднѣе арбѣ и Мирахура. Темъ была страшная. Чтобы не сбиться съ пути, мы ѣхали поодиночкѣ другъ за другомъ, ощупывая дорогу. Минуть черезъ десять загремѣлъ громъ и пошелъ мелкій и частый дождикъ, какъ будто на насъ сыпали мокрую манную крупу. Еще минутъ десять, на ухахъ нашихъ лошадей, оконечностяхъ нагаевъ, носкахъ сапоговъ и чалмахъ мусульманъ появились яркіе огни (Кастора и Поллукса) бѣлаго цвѣта. Съ дороги мы сбились, молнія сверкала ежеминутно, лошади не шли. Пришлось остановиться и ждать, что будетъ. Но не прошло пяти минутъ, какъ такіе же огни начали появляться на землѣ и въ воздухѣ, и летали передъ нами въ различныхъ направленіяхъ. Стало дѣйствительно страшно. Нѣсколько разъ мы слѣзали съ лошадей и искали дорогу, но все напрасно: компасъ мой не дѣйствовалъ, а разсылать людей было опасно. Наконецъ, часа черезъ полтора гроза начала утихать и мы, промокшіе до костей, настигли сначала наши арбы, а потомъ арбы и свиту Мирахура, которая, перепуганная грозой, долго не давала намъ отѣлика, принимая насъ за джинновъ ⁴⁾, т.-е. нечистую силу.

Къ утру слѣдующаго дня, т.-е. 24-го апрѣля, мы были уже въ Джизакѣ. День случился базарный. Я отправился смотрѣть

¹⁾ Отъ р. Дарьи до Джизака.

²⁾ Прозвѣвъ къ молитвѣ.

³⁾ Станція въ степи. Ягачъ—дерево (по-татарски Агачъ).

⁴⁾ Въ Средней Азіи, сколько мнѣ извѣстно, два чорта: шайтанъ—въ родѣ нашего ливова, и джинъ—въ родѣ нашего народнаго чорта.

торговлю. Базаръ довольно большой и оживленный. Англійскихъ произведеній, кромѣ кисеи (William' и Graham'a), не имѣется. Русскихъ ситцевъ и мелочи много, но халатовъ изъ русскихъ матерій встрѣчается мало. За неимѣніемъ торговой статистики Средней Азии, наблюдать распространеніе мануфактурныхъ товаровъ всего легче и вѣрнѣе на базарѣ. Здѣсь, въ опредѣленный день, виденъ весь обиходъ и всѣ потребности жизни мусульманскаго міра. Кромѣ лавокъ съ товарами, открытыхъ и удобныхъ для наблюденія, на базарѣ появляется масса народу изъ отдаленныхъ мѣстностей. Эти лица — живыя статистическія цифры; по костюму ихъ можно сразу судить, въ какой степени и какой мануфактурный товаръ проникаетъ въ эти мѣстности. Джизакскій базаръ, какъ всѣ узбекскіе базары — аукать ¹⁾, т.-е базаръ первыхъ потребностей, нашъ сельскій базаръ. Торговаго базара, въ родѣ нашихъ ярмарокъ или базара коканскаго, гдѣ обмѣниваются *кутцами* произведенія однихъ странъ на другія — въ Джизакѣ, конечно, нѣтъ; но тѣмъ не менѣе значеніе его, какъ базара-аукать, очень большое. Индѣйскаго, кирпичнаго чая (сыпъ-чай или алма-чай, т.-е. яблочный) въ Джизакѣ очень много. Чай этотъ, какъ извѣстно, появился у насъ недавно, нѣсколько ранѣе того времени, какъ онъ былъ законфисованъ нами въ Ташкентѣ. Джизакскіе торговцы говорили мнѣ, что выгоды отъ этого чая много и что онъ расходуется быстро. У насъ есть таковой же кирпичный чай — китайскій, лучшаго качества, но странное дѣло — до сего времени онъ раскупался, и то въ незначительномъ количествѣ, только въ Семирѣчьи, въ Ташкентѣ же шель очень туго и за послѣдній годъ его вовсе не было видно. Я обратилъ на это обстоятельство вниманіе С. Н. Трубочанинова и просилъ его написать объ яблочномъ чаѣ нашимъ торговцамъ въ Кяхтѣ. Сравнительное достоинство обоихъ этихъ чаевъ, а равно цѣны и пути индѣйскаго чая я сообщу когда-нибудь другой разъ.

Въ Самаркандѣ, подъ постояннымъ почти дождемъ, мы прибыли 27-го апрѣля и прожили до 29-го. Въ Самаркандѣ, а равно и въ дальнѣйшемъ путешествіи, я имѣлъ случай убѣдиться, что слухи, ходившіе въ то время у насъ, не лишены основанія. Сосѣдъ нашъ дѣйствительно что-то затѣваетъ и, какъ выразился мнѣ В. Р. Сѣровъ ²⁾, мечется въ разные стороны. Дня три тому назадъ, передъ нашимъ пріѣздомъ, уѣхалъ отсюда (изъ Карши)

¹⁾ Аукать — жизненные потребности, пища.

²⁾ Начальникъ самаркандскаго отдѣла, одинъ изъ знатоковъ Азии.

авганскій посланникъ 1). Хивинскій — уѣхалъ изъ Бухары нѣсколько ранѣе; наконецъ, въ Бухарѣ былъ какой-то Френги, и уѣхалъ оттуда также очень недавно. Абдрахманъ-Ханъ 2) человѣкъ чрезвычайно обстоятельный и незнающійся съ сартами, возложительно увѣрилъ меня, что договоръ о сдачѣ Керки авганцамъ давно уже подписанъ. Теперь ждутъ только прихода туда авганскихъ войскъ. Здѣсь говорятъ то же самое, но прибавляютъ, что авганскія войска пройдутъ прямо въ Шахрисабзъ, куда вслѣдъ за ними прѣдетъ эмиръ. Я объ этихъ слухахъ самъ лично ни съ кѣмъ не говорю и никого не спрашиваю, но странно, что Мирахуръ увѣряетъ меня, что въ городѣ и народѣ ходитъ множество ложныхъ слуховъ, и уже три раза спрашивалъ меня, будетъ ли пріятно генералу Абрамову 3), если эмиръ поѣдетъ въ Шахрисабзъ. Что это значитъ — я понять рѣшительно не могу. Нынѣшней зимой были въ Бухарѣ англичане и одинъ изъ нихъ, называющій себя муллою изъ Мешеда, живетъ тамъ въ настоящее время. Я знаю его адресъ и постараюсь увидать его, чтобы лично убѣдиться въ справедливости этихъ слуховъ 4). Наконецъ, почетное и любезное, по внѣшности, охраненіе меня отъ всякаго сопривосновенія съ внѣшнимиъ людоемъ, также наводитъ на нѣкоторыя сомнѣнія. Вчера, напримѣръ, я вздумалъ-было проѣхаться по городу (послѣ уже свиданія съ эмиромъ), но меня удержали подъ благовидными предлогами до прѣзда Мирахура. Я замѣтилъ ему это, и онъ былъ очень сконфузень. При этомъ я считалъ своимъ долгомъ высказать мое мнѣніе о личности самого Мирахура. Во время нашего пути отъ Ташкента до Карши я не разъ имѣлъ случай убѣдиться, что личность эта для русскихъ интересовъ непригодная. Если можно употребить сдѣланное мною выше сравненіе,—это нашъ древній думный дьякъ, старающійся устроить себѣ карьеру ласкательствомъ и угодничествомъ вкусу своему повелителя, безъ всякаго сознанія его истинныхъ пользы и выгодъ страны и народа. Въ одномъ изъ моихъ частныхъ писемъ въ Петербургъ я совершенно ошибочно охарактеризовалъ личность Мирахура. Теперь, я сіѣшу исправить мою ошибку. Въ Россіи или на Кавказѣ многимъ вѣроятно удавалось встрѣчать молодыхъ раскольниковъ, весьма начитанныхъ въ Св. писаніи и кажущихся съ перваго взгляда очень толковыми и

1) Магомедъ-Тагиръ, какъ мнѣ передавали.

2) Претендентъ на авганскій престолъ; живетъ въ Самаркандѣ.

3) Начальникъ Заравшанскаго округа.

4) Подъ такимъ именемъ въ Бухарѣ, какъ я узналъ, дѣйствительно живетъ одинъ Мусafirъ „примѣлецъ, путешественникъ“, но увидать его мнѣ не удалось.

даже просвѣщенными. При дальнѣйшемъ же съ ними знакомствѣ оказывалось (по крайней мѣрѣ со мной), что люди эти крайне тупые и ограниченные. Знаніе буквы писаній даетъ имъ нѣкоторый доскъ и возможность, опираясь на книжный авторитетъ, примѣняться ко всякимъ обстоятельствамъ, лишь бы достигнуть своей маленькой цѣли. Болѣе широкаго взгляда на вещи у этихъ людей, мало нравственныхъ и забытыхъ буквоѣдствомъ, не бываетъ. Такимъ мнѣ кажется Иссамединъ-Мирахуръ. Нѣсколько случаевъ подтверждаютъ мою характеристику. Зная, что расположеніе къ нему нашего высшаго начальства ставитъ его высоко среди чиновнаго бухарскаго люда и передъ эмиромъ, онъ никогда, во всю дорогу, не упускалъ случая похвастаться этимъ передъ своими знакомыми и притомъ такъ, чтобы я слышалъ. Съ другой стороны, онъ зналъ вкусы своего повелителя, не особенно нашь долюблывающаго, и показывая себя истымъ мусульманиномъ, вездѣ, гдѣ было нужно, корчилъ изъ себя святошу, ненавидящаго кяфировъ. Въ Чиракчи это вышло очень забавно. Рассказавъ беку, при мнѣ по-тюркски, какъ его любятъ русскіе, и показавъ одинъ подарокъ, онъ тотчасъ же прибавилъ по-персидски, что вотъ какія настали времена: служимъ кяфирамъ и ихъ чествуемъ, но Богъ дастъ, не все будетъ такъ, настанутъ и прежнія времена. На этотъ разъ онъ опростоволосился: рядомъ съ нимъ сидѣлъ мой Бай-Магометъ, которому я запретилъ говорить по-персидски, и все слышалъ. Кромѣ этихъ случаевъ было еще очень много мелкихъ и забавныхъ случаевъ. Но за Самаркандомъ начались-было и совсѣмъ нехорошія продѣлки. Того же Бай-Магомета Мирахуръ призывалъ къ себѣ нѣсколько разъ по секрету и уговаривалъ его, какъ мусульманина, ничего не скрывать и сказать, зачѣмъ именно я пріѣхалъ въ Бухару, и не предпринимаютъ ли русскіе чего-либо непріязненнаго противъ эмира. Мой мирза тоже всю дорогу казался очень сконфуженнымъ и возбуждалъ подозрѣнія. Полагаю, что и ему было сказано что-нибудь подобнае.

О пути по бухарскимъ владѣніямъ и о житьѣ въ Карши я расскажу ниже, а теперь не могу не замѣтить, какое удобство доставилъ мнѣ мой офиціальнй характеръ. Несмотря на всѣ мелкія непріятности, сопровождавшія нашъ путь и пребываніе въ Карши, я все-таки долженъ сказать, что положеніе дѣлъ въ Средней Азіи измѣнилось изумительно. Пять-шесть лѣтъ тому назадъ, могъ ли бы русскій, хотя бы и съ офиціальнымъ характеромъ, одинъ, безъ всякаго конвоя, совершенно частнымъ человекомъ пріѣхать въ Карши, быть обласканнымъ эмиромъ и

получить отъ него дозволеніе свободно развѣзжать по его владѣніямъ. Теперь это стало возможнымъ. Я сижу здѣсь за письменнымъ столомъ на креслѣ, нарочно для русскихъ сдѣланномъ; передъ окнами толпится народъ, встрѣчающій меня не только не враждебно, но даже радушно, — и не вѣрится мнѣ, что я въ Карши, въ гостяхъ у того грознаго повелителя, изъ владѣній котораго, еще очень недавно, рѣдкій европеецъ выходилъ живымъ.

II.

Вотъ нѣкоторыя подробности нашего странствованія по бухарскимъ владѣніямъ и сцена моего свиданія съ эмиромъ въ Карши.

Еще ранѣе пріѣзда нашего въ Самаркандъ, бухарскій посланникъ Мирахуръ говорилъ мнѣ и моему переводчику, что недостатокъ воды въ бухарскихъ владѣніяхъ и въ особенности возобновленіе Тюетартарскаго арыка ¹⁾ возбуждаетъ въ бухарскомъ населеніи сильный ропотъ на русскихъ. По свѣдѣніямъ, полученнымъ въ дорогѣ Мирахуромъ, жители гор. Бухары приходили будто бы въ Карши съ жалобой къ эмиру на задержаніе воды въ Самаркандскомъ отдѣлѣ и просили его, разъ навсегда, покончить это дѣло. По слухамъ же, дошедшимъ до моихъ людей отъ свиты Мирахура и жителей Самарканда, эмиръ уѣхалъ изъ Бухары будто бы потому, что боялся ропота народа. Въ какой степени справедливы эти извѣстія, я не могу сказать, ибо не могъ узнать о нихъ, до сего времени, ничего положительнаго; но помнится мнѣ, что подобнаго рода слухи ходили и въ прошлую весну и, кажется, оказались невѣрными. Тѣмъ не менѣе, въ виду важности этихъ слуховъ, я счелъ необходимымъ, по пріѣздѣ въ Самаркандъ, подробнѣе ознакомиться съ воднымъ вопросомъ, чтобы, въ случаѣ надобности, умѣть объяснить его эмиру. Изъ собранныхъ мною по этому предмету свѣдѣній оказалось, что воды въ бухарскихъ владѣніяхъ дѣйствительно мало, но виною тому не администрація Самаркандскаго отдѣла, а само бухарское правительство. Вопросъ о правильномъ снабженіи водою бухарскихъ владѣній обсуждался, по приказанію начальства, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Самаркандѣ, особою комиссіею, состоявшею изъ членовъ отъ администраціи Самаркандскаго отдѣла и двухъ представителей бу-

¹⁾ Оросительная канава.

харскаго правительства (Иссамедина Мирахура и бывшаго Зиаудинскаго ¹⁾ бека). По рѣшенію этой комиссіи бухарское правительство обязано, какъ непосредственно заинтересованное въ этомъ дѣлѣ, два раза въ годъ давать знать начальнику Самаркандскаго отдѣла, нужна-ли вода въ Бухарѣ или нѣтъ. Если нѣтъ водѣ окажется надобность, то всѣ арыки округа должны быть обязательно закрыты на двѣ недѣли; если же нѣтъ, то арыки открываются и закрываются по усмотрѣнію самихъ жителей. Нынѣшній годъ бухарское правительство не дало о водѣ, въ условленное время, никакихъ извѣстій, и потому всѣ арыки Самаркандскаго отдѣла остались открытыми и Заравшанъ обмелѣлъ. Я говорилъ объ этомъ Мирахуру, онъ, въ свою очередь, говорилъ эмиру, но до сего времени (уже болѣе недѣли) въ Самаркандѣ никакого вѣстника о водѣ не послано. Что же касается до Тюетартарскаго арыка, то слухи о его возобновленіи также невѣрны и преувеличены. Тюетартарскій арыкъ ²⁾, нѣкогда одинъ изъ самыхъ большихъ арыковъ Самаркандскаго бекства, былъ выкопанъ, какъ говорятъ, по приказанію Абдулла-Хана, извѣстнаго строителя рабать и сердовъ ³⁾ въ голодныхъ степяхъ, и заключалъ въ себѣ пятьсотъ жернововъ воды ⁴⁾. Выходя изъ Заравшана въ разстояніи одного тапа ⁵⁾ (8 верстъ) ниже Пенджакента, онъ идетъ, около 16-ти верстъ, почти параллельно этой рѣкѣ и затѣмъ круто поворачиваетъ на сѣверо-западъ. Въ настоящее время по немъ идетъ весьма малая вода только до этого поворота; далѣе воды нѣтъ. У поворота, въ самомъ углу, выдѣляется изъ Тюетартара другой арыкъ — Булунгуръ, и идетъ къ сѣверу до Каменнаго моста, а отъ сего послѣдняго — къ западу до слиянія съ Заравшаномъ (Акъ-Дарьей). Эта послѣдняя часть Булунгура носить разныя названія, и въ томъ числѣ Тюетартара. Отъ нея къ сѣверу отдѣляется арыкъ Пай. Этихъ объясненій, мнѣ кажется, будетъ достаточно, чтобы представить суть настоящаго дѣла. Для орошенія совершенно обезводнившей мѣстности Тагирь-Шейхъ, иначе го-

¹⁾ Зиаудинское бекство на нашей границѣ.

²⁾ „Тюе-гартаръ“, т. е. протащить верблюда: арыкъ названъ такъ потому будто бы, что верблюдъ не могъ черезъ него переправиться.

³⁾ Рабать—обширныя куполообразныя зданія для остановки каравановъ и путниковъ. Сардоба (*сартъ*—холодный, *оба*—вода) хранилище дождевой и ключевой воды. Обѣ постройки, вхожи другъ на друга, изъ жженнаго кирпича.

⁴⁾ Сила теченія арыка и количество воды измѣряется вращеніемъ мельничнаго жернова, смотря потому сколько мельничныхъ жернововъ, поставленныхъ на одномъ мѣстѣ, могутъ быть приведены въ движеніе извѣстнымъ арыкомъ; 500 жернововъ — очень большой арыкъ.

⁵⁾ Тамъ — камень.

вора, для увеличенія воды въ арыкѣ Пай, администраціей Самаркандскаго отдѣла дозволено было не возобновить, а только расчистить Тюетартарскій арыкъ, т. е. тѣ его части, которыя снабжаютъ водою мѣстности Каменнаго моста и Тагирь-Шейха. О возобновленіи и расчисткѣ сѣверо-западнаго направленія этого арыка, конечно, не могло быть и рѣчи. Вѣроятно, что слухъ о работахъ у Каменнаго моста (на той части арыка Вулунгура, которая носитъ названіе Тюетартара) и послужилъ поводомъ къ возможнымъ извѣстіямъ о возобновленіи будто-бы всего Тюетартарскаго арыка. Это обстоятельство я также разъяснилъ Мирахуру, и, кажется, онъ остался имъ удовлетвореннымъ. Ко всему вышеизложенному я считаю себя обязаннымъ прибавить, что какъ бы ни было желательно удовлетворить бухарское населеніе въ достаточномъ количествѣ водою, но съ другой стороны невозможно оставлять при малой водѣ и нашихъ подданныхъ, самаркандскихъ жителей. По дорогѣ въ Кара-Тюпе, послѣдній нашъ пограничный пунктъ съ Шахрисябзомъ, я видѣлъ около пяти кишлаковъ, оставленныхъ жителями за недостаткомъ орошенія. Кара-Тюбинскій аскавалъ ¹⁾ говорилъ мнѣ, что число такихъ кишлаковъ доходить въ настоящее время до 13-ти, и что жители ихъ переселились въ Шахрисябзъ только въ прошедшемъ году.

Перейду теперь къ описанію нашего дальнѣйшаго странствія. Въ Самаркандѣ Мирахуръ нѣсколько схитрилъ. Не знаю, по какимъ соображеніямъ онъ отдалъ приказаніе моимъ арбамъ идти прямо на Чиракчи черезъ Джамъ, не заходя въ Шахрисябзъ, а меня между тѣмъ увѣрилъ, что арбы наши будутъ въ Шаръ въ тотъ же самый день, какъ мы туда приѣдемъ черезъ Кара-Тюпе. Я, разумѣется, не подалъ и вида, что узналъ объ этой хитрости, но внутренно побранилъ Мирахура порядочно: благодаря ему я оставался три почти дня безъ бѣлья, вещей и платя. Я полагаю, что поводомъ къ этой хитрости было предположеніе, что у меня въ арбахъ есть письма въ Шахрисябзъ отъ прежнихъ беговъ. Отправивши наши арбы черезъ Джамъ, мы сами поѣхали по болѣе кратчайшему пути на Кара-Тюпе. Версты за 10 до этого кишлака насъ встрѣтили на дорогѣ два почетныхъ лица, посланныхъ шахрисябскими бегами поздравить меня съ приѣздомъ. Тутъ только я узналъ отъ Мирахура, что о путешествіи моемъ въ бухарскія владѣнія уже извѣстно эмиру и что мнѣ, какъ гостю, готовятся торжественныя встрѣчи и приемы. Это меня нѣсколько опечалило, ибо лишило меня возможности жить, какъ мнѣ хо-

¹⁾ Буквально: бѣлая борода (акъ—бѣлый, аскавалъ—борода), староста.

чется, и дѣлать, что мнѣ угодно. Нѣкоторое время я подумывалъ было возвратиться, но мысль, что изъ этого, очень обыкновеннаго по нашему, дѣла можетъ произойти въ нѣкоторомъ родѣ casus belli, заставила меня покориться своей участи, откровенно говоря, не особенно пріятной. Два посланца оказались очень любезные люди, всю дорогу, вопреки мусульманскому обычаю, они болтали безъ умолку, особенно одинъ изъ нихъ, рассказывавшій мнѣ съ особеннымъ жаромъ о чудесныхъ свойствахъ русскаго напитка балисона (т.-е. бальзама). Кстати я долженъ здѣсь прибавить, что запрещенная шаріятомъ русская водка попивается мусульманами презрительно. Нѣтъ лица, которое бы скромно не замѣчало, что аракъ есть очень полезное «лекарство», употреблять которое, въ случаѣ болѣзни, нисколько не противное шаріату ¹⁾.

Переночевавъ въ Кара-Тюпе, мы на разсвѣтѣ, поѣхали далѣе на переваль Тахта-Карачи, откуда начинаются уже бухарскія владѣнія. Дорога до перевала очень трудная: на каждомъ почти шагу рытвины и камни. Посланецъ отъ шарскаго бека говорилъ мнѣ, что въ прежнее время эмиръ Носрулла съ пушками и арбами хаживалъ по этой дорогѣ воевать съ шахрисябзцами, и потомъ, послѣ неудачъ, приказалъ завалить ее камнями. Переваль Тахта-Карачи—небольшой, около 5-ти тысячъ футовъ. Подъемъ и спускъ отлогіе. Трудная дорога до перевала искупилась роскошнѣйшимъ видомъ долины рѣки Кашка-Дарьи, открывшимся намъ съ перевала. Вся видимая нами мѣстность, около 70-ти верстъ въ окружности, представляла почти сплошной садъ, среди котораго въ массѣ зелени скрывались города Китабъ, Шаръ, Якобакъ съ окрестными кишлаками. Жаль мнѣ стало напихъ скитальцевъ Джурабека и Бабабека ²⁾, и постоянная грусть, написанная на ихъ лицахъ, стала мнѣ понятною. Отдохнувъ въ кишлакѣ Кайнаръ ³⁾, мы выѣхали въ полдень къ Китабу. По дорогѣ начались встрѣчи съ обычными фразами и пожеланіями. Послѣ первыхъ привѣтствій начались вопросы о здоровьѣ начальника нашего края и продолжались стереотипною фразою («Джамдараль-губуръ, амамъ ме исанъ ме» ⁴⁾) чрезъ каждую четверть часа чуть ли не всю дорогу. У воротъ Китаба насъ встрѣтилъ курбаши (полиціймейстеръ). Соскочивъ съ лошади, онъ вѣжливо

¹⁾ Буквально: *путь* для достиженія цѣли, предписанной Кораномъ каждому мусульманину. Сборникъ постановленій, относящихся до всего обихода мусульманской жизни.

²⁾ Другой Шахрисябзскій бекъ, тоже живущій въ Ташкентѣ.

³⁾ Кайнаръ—кипящій: названіе получилъ отъ журчащихъ ключей.

⁴⁾ Т.-е. „генераль-губернаторъ здоровъ ли?“

жалъ мнѣ руку, приговаривая умильнымъ голосомъ по-русски: «прощай, прощай.» Я едва сохранилъ свое достоинство, приличное этой торжественной минутѣ. Тронулись далѣе. Масса народу бѣжала за нами; нѣсколько бачей ¹⁾ показывали мнѣ пальцами за какую цѣну они готовы придти ко мнѣ. На базарѣ передъ грѣбостью стояли шпалерами войска. Заиграли встрѣчу, приложили значки, и я, ошеломленный этимъ приѣмомъ, въ пыли и грязи, предсталъ предъ очи китабскаго бека, встрѣтившаго меня стоя на галереѣ своего дворца. Бекъ оказался человекъ не болѣе. Выдавливая слова, онъ спросилъ меня о здоровьѣ генералъ-губернатора, поздравилъ съ приѣздомъ, прибавивъ, что Хазретъ (г.-эмиръ), узнавъ о приѣздѣ гостя отъ русскаго начальства, приказалъ принять меня самымъ почетнымъ образомъ. Послѣ достархана и получасовой бесѣды, самаго незначительнаго содержанія, на меня надѣли халатъ, посадили на никуда негодную, но хорошо убранную лошадь и повезли въ Шаръ. Тамъ встрѣча была еще торжественнѣе. Самъ Давлетъ-Бій Серкеръ командовалъ войсками. Кажется, стрѣляли изъ пушекъ. Я сосчитала 22 значка, что, по одному на сотню, составитъ до 3-хъ тысячъ войска. На внутреннемъ дворѣ стояли двѣ мѣдныя пушки на лафетахъ, очень похожія на наши. Абдуль-Каримъ-Диванъ-Беги, шарскій бекъ, человекъ совершенно другого закала, чѣмъ сынъ ²⁾ его бекъ Китабскій. Старый придворный и воспитатель теперешняго эмира, онъ видатъ на своемъ вѣку многое и потому продѣлывалъ всѣ эти встрѣчи самымъ невозмутимымъ образомъ. Онъ принималъ меня просто и, кажется, радушно. Прищуривъ лѣвый глазъ и внимательно оглядѣвъ меня, онъ тотчасъ-же пустился въ разговоръ, изрѣдка похлопывая меня по плечу и посмѣиваясь. Послѣ мнѣ говорили, что старикъ отступилъ отъ своихъ обычныхъ правилъ и разговорился со мною болѣе, чѣмъ это онъ обыкновенно дѣлаетъ. Въ новомъ халатѣ и на новой, также очень плохой, лошади возвратился я въ приготовленное для меня помѣщеніе. Вечеромъ былъ базаръ ³⁾, но я такъ усталъ, что отправился спать тотчасъ послѣ прихода бачей. Въ шахрисабзскихъ встрѣчахъ я, а также и мои люди, замѣтили одно отсутствіе всякаго уваженія жителей къ ихъ новому правительству. На этомъ обстоятельстве стоить остановиться нѣсколько подробнѣе. На всемъ пути отъ Ташкента до Карши я внимательно слѣдилъ за нашими встрѣ-

¹⁾ Красивые мальчики, услаждающіе мусульманъ своими пѣснями и плясками.

²⁾ Братъ.

³⁾ Пляски мальчиговъ—бачей.

чами. Въ русскихъ предѣлахъ мусульмане встрѣчали Мирахура гораздо радушнѣе, чѣмъ меня. Напротивъ того, въ бухарскихъ владѣніяхъ и въ особенности въ Шахрисабѣзѣ на Мирахура и нашихъ провожатыхъ почетныхъ лицъ не только не обращали вниманія, но мнѣ казалось, они какъ будто намѣренно старались показать имъ свое неуваженіе. Сидить, напримѣръ, вучка людей, смотреть въ упоръ—и ни одного слова привѣтствія. Изрѣдка Мирахуръ самъ выпускалъ «ассалямъ алейкумъ», но и это не удавалось: отвѣты были рѣдки. Меня принимали гораздо радушнѣе: почти вездѣ прикладывались къ чалмамъ руки и изрѣдка слышалось даже «здравствуй». Полагая, что это говорятъ русскіе или татары, я всякій разъ заговаривалъ съ ними по-русски, но всегда оказывалось, что кромѣ «здравствуй» они ничего болѣе не знаютъ. Индѣйцы и евреи кланялись, снимая шапки, только мнѣ исключительно; я не видалъ ни одного, который сдѣлалъ бы селямъ ¹⁾ Мирахуру.

Шахрисабскія владѣнія и Карши я считаю послѣднимъ предѣломъ распространенія нашего мануфактурнаго товара къ югу. Въ Гиссарѣ русскихъ товаровъ, какъ мнѣ сказывали, нѣтъ; за Карши — они попадаютъ случайно и рѣдко. Въ Бухарѣ я стараюсь разъяснить этотъ вопросъ во всей подробности. Англійскихъ матерій, кромѣ кисеи, въ Шахрисабѣ въ настоящее время нѣтъ, но судя по потолку бывшаго дворца Джурабека въ Кишабѣ, разукрашенному квадратиками изъ англійскаго ситца, можно заключить, что матеріи эти въ Шахрисабѣ проникали. Замѣчательно (если не случайно), что изветшавшіе квадратики этого потолка замѣнены уже русскимъ ситцемъ. Индѣйскаго зеленого чая очень много, а черного вовсе нѣтъ. Въ Шарѣ и затѣмъ до самаго Карши меня угощали пловомъ изъ пешаурскаго риса (палау Пешаурі). Это ничтожное повидимому обстоятельство навело меня на нѣкоторыя соображенія, далеко, по моему мнѣнію, не безъинтересныя. Палау Пешаурі составляетъ здѣсь признакъ хорошаго тона, и потому пешаурскій рисъ привозится сюда изъ Аванганистана въ весьма значительномъ количествѣ. Въ Карши онъ продается по 20 коп. за фунтъ. Если есть расчетъ и выгода привозить этотъ грузный и дешевый товаръ изъ такой дали и продавать его, при оплатѣ по нѣсколько разъ зяветомъ, по такой сравнительно недорогой цѣнѣ, то понятно, что и всякій другой, а слѣдовательно и англійскій товаръ, какъ только на него появится спросъ, будетъ доставляться сюда и продаваться здѣсь съ

¹⁾ Помонъ.

выгодой. Значить, вопросъ не въ трудностяхъ пути и дороговизнѣ фрахта, а въ спросѣ. Въ Бухарѣ я наведу объ этомъ подробныя справки.

1-го мая, мы оставили Шаръ. За Шахрисабзскими владѣніями характеръ мѣстности значительно измѣняется. Долина Кашка-Дарьи становится шире и ровнѣе, садовъ менѣе, пашень много. Населеніе, исключительно узбекское, живетъ лѣтомъ въ юртахъ, и потому кышлаки дѣйствительно кышлаки, т.-е. зимовки, а не селенія. Передъ Чиракчи насъ встрѣтили бекскіе люди, по узбекскому обычаю, съ какъ-буре ¹⁾. Я нѣсколько разъ видалъ какъ-буре и всегда замѣчалъ, что въ этой любимѣйшей игрѣ киргизскаго и узбекскаго народа зрители не могутъ не обратиться въ актеровъ. Такъ было и здѣсь: почетные халаты не вытерпѣли и сами начали «драть козла». Это точно также, какъ у насъ кулачные бои въ Москвѣ на льду у Дорогомиловскаго моста. Приѣдетъ какой-нибудь богатый купчина посмотрѣть на бой — и не вытерпитъ: шубу долой, и пошелъ драться. Городъ Чиракчи, резиденція бека, большой узбекскій кышлакъ очень печальнаго вида, безъ садовъ, — въ развалинахъ. Базаръ бываетъ два раза въ недѣлю. Европейскихъ произведеній совсѣмъ не видно, скота очень много. Чиракчискій бекъ, сынъ защитника Самарканда, неразговорчивый узбекъ, принялъ насъ въ садикѣ близъ крѣпости. Тутъ мы переночевали и отправились далѣе до кышлака Чима. Еще ранѣе этого кышлака, въ который мы приѣхали ночью, насъ встрѣтили двое приближенныхъ каршинскаго бека Тюрю-Джана, второго сына Эмира. Наконецъ, 3-го мая въ 7 часовъ утра мы выѣхали въ Карши. Я не буду утомлять читателя подробнымъ описаніемъ встрѣчи и приѣма насъ въ Карши. Войска не было, но множество золотыхъ халатовъ съ шигауломъ ²⁾ во главѣ жали мнѣ руку, называли дорогимъ гостемъ и по меньшей мѣрѣ сто разъ спрашивали о здоровѣ нашего начальства. Все было приторно дѣ-нелзя и сквозило фальшью. Изъ всѣхъ нашихъ дорожныхъ встрѣчъ только одинъ шарскій бекъ Абдуль-Каримъ-Диванъ-Беги, по простотѣ и искренности своего обращенія, можетъ составлять исключеніе; все остальное разыгрывалось, болѣе или менѣе успѣшно, по заранѣе данной программѣ, и потому было интересно не болѣе, какъ театральное зрѣлище чиновныхъ актеровъ благородной Бухары.

¹⁾ Буквально: сѣрый волкъ. Игра состоитъ въ томъ, что нѣсколько всадниковъ, зарѣзавъ козла, попеременно вырываютъ его на скаку другъ у друга. Наше выраженіе «деруть козла» конечно пришло отсюда.

²⁾ Церемоніймейстеръ.

Въ Карши меня помѣстили великолѣпно въ роскошномъ мусульманскомъ домѣ со столомъ и мебелью, приготовленными въ прошломъ году для К. В. Струве. О житѣ въ Карши и о самомъ гѣродѣ я разскажу другой разъ, а теперь опишу мое свиданіе съ эмиромъ. Я видѣлъ его высокостепенство два раза: 4-го и 10-го мая, въ день отъѣзда его въ Шахрисябъ. Первое свиданіе продолжалось не болѣе четверти часа, второе—около получаса. Получивъ отъ Мирахура надлежащія наставленія и совѣты, я, вмѣстѣ съ нимъ, С. Н. Трубочаниновымъ и моими людьми отправились верхомъ въ крѣпость. Передъ воротами мы слѣзли съ лошадей и, пройдя довольно длинный корридоръ, наполненный придворными, пріѣхавшими дѣлать селямъ, очутились у воротъ второго, внутренняго двора. Тутъ меня и моего переводчика приняли въ свое распоряженіе два церемоніймейстера (удайчи), съ длинными въ рукахъ палками и, взявъ тихонько подъ руки, ввели осторожно въ ворота. Вдали, на дворѣ, въ маленькомъ, съ открытыми окнами, домикѣ сидѣлъ на полу, облокотясь на подушку, эмиръ. Снявъ фуражку, я сдѣлалъ поклонъ, удайчи прокричали протяжно: «Худан Хазрети Амирни Музафаръ Мансуръ Кыльсунъ» (т.-е. Богъ да сдѣлаетъ великаго эмира могущественнымъ и побѣдоноснымъ), и мы весьма медленно начали двигаться къ домику. Удайчи во все время пресмѣшно присѣдали и мѣшали мнѣ идти. Входя на лѣстницу, я снялъ шапку. Эмиръ былъ одинъ ¹⁾. Послѣ моего поклона онъ подаль мнѣ свою мягкую и теплую руку и посадилъ, шагахъ въ трехъ, возлѣ себя. По совѣту Мирахура, я заговорилъ первымъ. Передавъ ему поклонъ отъ русскаго начальства, я объяснилъ ему цѣль моего путешествія въ Бухару и поблагодарилъ за радушный пріемъ, оказанный мнѣ въ его владѣніяхъ. Спросивъ меня о здоровьѣ главнаго русскаго начальника, эмиръ сказалъ мнѣ: «хощь кильдынгизъ» (т.-е. добро пожаловать), «поживите теперь въ Карши, а потомъ поѣзжайте въ Бухару; я радъ вашему пріѣзду». Я поблагодарилъ его за эти слова, прибавивъ, что оказанныя мнѣ любезности и радушіе служатъ лучшимъ доказательствомъ добрыхъ отношеній эмира къ русскому правительству. «Вы нашъ дорогой гость, возразилъ на это эмиръ, и иначе мы поступать не можемъ». Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, видимо затрудняясь (во все время разговора голосъ его дрожалъ), эмиръ спросилъ меня, не имѣю ли я какого-либо порученія отъ русскаго начальства. Я отвѣчалъ, что никакого не имѣю. Это, кажется, его успокоило,

¹⁾ Мирахуръ вошелъ послѣ и стоялъ у дверей.

но онъ быстро подаль мнѣ руку, улыбнулся и показалъ глазами, что аудіенція окончена. Послѣ меня ввели въ эмиру Н. С. Трубочанинова и моихъ людей; первому онъ подаль изъ окна руку, а съ другими раскланялся. Тѣмъ же порядкомъ, отступая назадъ, возвратились мы на верхній дворъ. Тутъ надѣли на меня налевой халатъ и повели въ Тюря-Джану. Чистенькій и недуренькій собой юноша принялъ меня храбрѣе своего отца. Освѣдомившись о здоровьѣ Государя Императора и нашего генераль-губернатора, онъ спросилъ меня, хорошо ли меня приняли въ его бекствѣ и, получивши мой отвѣтъ, отпустилъ меня домой. Разговоръ нашъ длился не болѣе пяти минутъ. На богато украшенной лошади, подаренной мнѣ эмиромъ, возвратился я въ свое помѣщеніе, куда на другой день эмиръ прислалъ мнѣ своихъ бачей и машка-рабаза ¹⁾. Плясали бачи недурно, но шутки машка-рабаза — были вѣрхомъ цинизма.

Второе свиданіе мое съ эмиромъ происходило 10-го мая, передъ самымъ его отъѣздомъ въ Шахрисябъзъ. На этотъ разъ, по совету Мирахура, я явился передъ его высокостепенствомъ въ пожалованномъ мнѣ халатѣ. Разговоръ нашъ былъ нѣсколько продолжительнѣе перваго. Ранѣе этого свиданія ко мнѣ пріѣхалъ въ Карши, изъ Бухары, прикащикъ Арзамасцева ²⁾, Грошевъ. Отъ него я узналъ, что русскимъ торговцамъ живется въ Бухарѣ хорошо, притѣсненій не дѣлается и, гдѣ нужно, оказывается покровительство. Все это я передалъ эмиру при второмъ свиданіи, прибавивъ, что о сдѣланномъ мнѣ приѣмѣ и о словахъ русскаго купца я не замедлю написать въ русскому начальству, которому, несомнѣнно, будетъ пріятно это услышать. Видимо довольный моими словами, эмиръ перебилъ моего переводчика и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «Я слышалъ, что вы говорите по-тюрски. Зачѣмъ же не объясняетесь со мною на этомъ языкѣ?» Я отвѣчалъ ему (по-тюрски), что хотя я и знаю этотъ языкъ, но не говорилъ на немъ потому, что боялся сдѣлать опіебу. «Напрасно — возражилъ мнѣ эмиръ — мнѣ гораздо пріятнѣе слышать вашъ голосъ и ваши слова, чѣмъ слова вашего переводчика». Мы стали говорить по-тюрски. Эмиръ сообщилъ мнѣ, что сейчасъ онъ ѣдетъ въ Шахрисябъзъ, очень жалѣеть, что не можетъ побесѣдовать со мною болѣе, и потому просить меня передать отъ него поклонъ нашему генераль-губернатору. Я еще разъ поблагодарилъ его за угощеніе и его милости. «Будьте нашимъ гостемъ,

¹⁾ Шута.

²⁾ Ташкентскій купецъ.

сказать мнѣ, прощайся, эмиръ; поѣзжайте въ Бухару или куда вамъ заблагорасудится; вездѣ вы будете хорошо приняты». Этимъ свиданіе наше окончилось ¹⁾.

Повидимому все вышло такъ, какъ нельзя быть лучше. Хазретъ самъ, самоустно, далъ мнѣ разрѣшеніе разѣзжать по его владѣніямъ; но это только на словахъ, на дѣлѣ же оказалось совершенно противное. Меня не только не пустили въ Керки, и вѣроятно не пустятъ въ Чарджуй, но и окружили такимъ почетнымъ войскомъ шпионовъ, слѣдящихъ, съ Мирахуромъ во главѣ, за каждымъ моимъ шагомъ, что не будь у меня преданныхъ мнѣ людей, я видѣлъ бы только стѣны тѣхъ городовъ, куда медоточивая бухарская любезность нашла умѣстнымъ повезти меня. Мало того, самъ Мирахуръ за мой пріѣздъ сюда попалъ въ немилость эмира. Онъ самъ признался мнѣ въ этомъ, въ тяжелыя для него минуты, когда эмиръ, придравшись за что-то къ нему, приказалъ - было наказать его 150 ударами палокъ и затѣмъ, ради свиданія со мной (какая послѣдовательность!) простилъ его, приказавъ проводить (или, пожалуй, выпроводить) меня до Катта-Кургана. Вообще, некрѣпкій въ своихъ нравственныхъ правилахъ и обманувшійся притомъ въ своихъ ожиданіяхъ на счетъ награды и повышеній за поѣздку въ Ташкентъ, мой дорожный товарищъ сначала - было либеральничалъ, но потомъ струхнулъ, да и жажда карьеры взяла свое. Никто такъ усиленно не убѣждаетъ меня отказаться теперь отъ поѣздки въ Чарджуй, какъ Мирахуръ, проповѣдовавшій въ Ташкентѣ несомнѣнную пользу отъ частыхъ посѣщеній русскими бухарскихъ владѣній; никто такъ ревностно не оберегаетъ меня отъ всякихъ распросовъ и собиранія нужныхъ мнѣ свѣдѣній, какъ опять тотъ же Мирахуръ, хорошо понимающій всю безобидную цѣль этихъ распросовъ. Вотъ обратная сторона медали, тѣмъ болѣе печальная, что она относится не къ одному какому-либо лицу, а къ цѣлой системѣ дѣйствій бухарскаго правительства.

¹⁾ Послѣ свиданія отъ прислалъ мнѣ халатъ, лошади и 100 таллей. Личныя мои, кромѣ халатовъ, выдано было по 10 р.

III.

Въ Карши я прожилъ восемь дней. Одинъ изъ этнографовъ Туркестанскаго края, бывшій съ русскими войсками въ Карши, очень серьезно говорилъ мнѣ, что Карши болѣе походитъ на русскій, чѣмъ на сартовскій городъ; улицы въ немъ будто бы широкія и мощенныя, дома со стеклянными окнами, женщины почти открытыя и т. п. Все это, какъ надо было ожидать, оказалось невѣрнымъ. Правда, есть въ Карши одна не особенно узкая улица съ наброшенными на ней камнями, по которой гораздо легче ходить, чѣмъ по всякой другой, но такая улица, конечно, не мостовая; оконъ со стеклами я ни одного не видалъ, а женщины, какъ и вездѣ въ этихъ странахъ, ходятъ тщательно закрытыя въ фаранджи (чалатъ) съ покрывалами на лицѣ (чашбандъ). Но за то описаніе Карши, сдѣланное Ханымовымъ въ его книгѣ о бухарскомъ ханствѣ, оказалось до такой степени вѣрнымъ и точнымъ, что просто приходишь въ изумленіе, какъ можно было тридцать лѣтъ тому назадъ, когда собраніе подобнаго рода свѣдѣній было несравненно труднѣе, чѣмъ теперь, представить такое точное описаніе города, въ которомъ авторъ пробылъ всего нѣсколько дней. На мой взглядъ Карши очень напоминаетъ Ташкентъ: постройки грубоватыя и аляповатыя, чисто узбекскія, среди города сады и огороды, большой скотный базаръ и огромная торговля такъ-называемымъ у насъ казацкимъ товаромъ, то-есть шерстью, арканами, мѣшками, армячиной, кошмами, матою, алачею и т. п. Со времени Ханымова въ Карши почти ничего не измѣнилось; прибавилась только одна баня и выстроились три новые караванъ-сарая. Занятія жителей остались тѣ же, но, какъ мнѣ говорили, значительно расширились и ежегодно расширяются. Я видѣлъ громадныя и весьма хорошо обработанныя плантаціи табаку и маюу. Каршинскій табакъ (два сорта, — я взялъ ихъ сѣмена), какъ извѣстно, славится во всей Средней Азіи и вывозится въ огромномъ количествѣ въ Ташкентъ, въ Кокандъ и даже въ Хиву. Маюу — другой изъ важнѣйшихъ продуктовъ мѣстной промышленности, разводится жителями для продажи его сѣменныхъ головокъ, изъ шелухи которыхъ готовится извѣстный одуряющій напитокъ — кукнаръ, едвали не самый распространенный изъ всѣхъ наркотиковъ Средней Азіи. Шелковицы въ Карши очень много: всѣ армы, всѣ двory мечетей и медресъ ¹⁾

1) Всѣмія училища.

обсажены тутовыми деревьями; въ садахъ то же самое, между тѣмъ шелководство, какъ и слѣдовало ожидать, у узбекскаго населенія развито очень мало. Весь почти добываемый шелкъ потребляется на мѣстѣ, и только весьма небольшое количество его, а равно и коконовъ, отправляется въ Бухару. Торговля эта, незначительная по своему размѣру, не имѣетъ притома, какъ мнѣ кажется, и никакой будущности, ибо каршинскому шелку и коконамъ приходится конкурировать съ коконами и шелкомъ прибухарскихъ кишлавахъ, а потому рѣдко находятъ себѣ хорошій сбытъ. То же самое, что сказано о шелкѣ, примѣняется въ равной степени и къ хлопку. Узбекское населеніе потребляетъ его для себя: дѣлаетъ изъ него бязь, алачу, каламу и др. хлопчато-бумажныя произведенія, но продаетъ его мало. За то торговля хлѣбомъ, или точнѣе, зерномъ имѣетъ уже совершенно другое значеніе: Карши по отношенію къ Бухарѣ—почти то же, что Ауліята по отношенію къ Ташкенту. Громадная масса хлѣба, возвращеннаго водами Кашка-Дары, стекается въ Карши и идетъ оттуда почти непрерывными караванами въ Бухару. Выгоды отъ этой торговли, какъ надо полагать, очень большія. По дорогѣ въ Бухару я встрѣтилъ множество хлѣбныхъ каравановъ и въ ихъ числѣ 164 верблюда, везущихъ по этому пути рисъ даже изъ Самарканда. Боясь задержки каравана въ Катта-Курганѣ, ховзеа не затруднились провезти рисъ въ Бухару по окольному и гораздо длиннѣйшему пути черезъ Джамъ и Чиракчи, чтобы только продать его въ Бухарѣ. Наконецъ, я долженъ упомянуть здѣсь еще объ одномъ продуктѣ, районъ потребления котораго весьма обширный—именно о соли розоваго цвѣта, извѣстной у насъ въ Ташкентѣ подъ именемъ самаркандской. Соль эта встрѣчается почти во всѣхъ городахъ Туркестанскаго края; я видѣлъ ее въ Перовскѣ и Ауліатѣ. Изъ этого можно судить, какъ значителенъ ея вывозъ. Соль добывается въ горахъ, лежащихъ въ 10-ти верстахъ къ югу отъ Карши. Я хотѣлъ—было побывать на мѣстѣ ея разработки, но любознательность моя въ этомъ отношеніи была пріудержана тѣми же любезными отговорками, какія представлялись мнѣ противъ моего намѣренія ѣхать въ Керки,—меня не пустили. По рассказамъ, соль добывается изъ трехъ мѣстъ, составляющихъ собственность государства; запасы ея очень велики, добыча предоставлена всѣмъ безъ исключенія лицамъ, подданнымъ бухарскаго правительства; въ прежнее время за вывозъ каждаго верблюда если взымали въ казну 20 коп., теперь не берутъ ничего. Хотя Карши лежитъ на главномъ торговомъ пути Бухары съ Индией и Аванганистаномъ, тѣмъ не менѣе большой торговли

привозными товарами въ Карши незамѣтно; всѣ караваны, идущіе изъ Индіи и Авганистана въ Карши, не растюбовываются, а проходятъ прямо въ Бухару, гдѣ они оплачиваютъ заветь, и отсюда уже нѣкоторые изъ этихъ товаровъ, а равно индѣйскій чай, вновь привозятся въ Карши для распродажи. Отсюда понятно, почему товары эти продаются въ Карши значительно дороже, чѣмъ въ Бухарѣ. Сравненіе товарныхъ цѣнъ и издержекъ провоза, а равно и описаніе торговыхъ путей я представлю впоследствии, а теперь продолжаю мой дневникъ.

Самъ я жилъ въ теченіи всего времени пребыванія въ Карши почти взаперти. Въ бухарскомъ государствѣ, какъ было древле и у насъ, очень странныя нравы. Величіе лица измѣряется тамъ кромѣ, нарощимъ на его благородномъ тѣлѣ и полнымъ отсутствіемъ вниманія къ вѣшнему міру. Чѣмъ болѣе сидитъ на мѣстѣ бухарець и чѣмъ менѣе интересуется онъ окружающимъ міромъ, тѣмъ болѣе къ нему уваженія отъ его согражданъ. То же συμβошали дѣлать и мнѣ: «Вы большой человекъ», говорилъ мнѣ Мирахуръ, «вамъ не слѣдуетъ ѣздить по базару; если нужно что, вамъ принесутъ сюда, и вы выберете и купите.» Въ силу этихъ наставленій, или, пожалуй, настояній, отъ которыхъ безъ нарушенія добрыхъ отношеній я не могъ отдѣлаться, мнѣ удалось только три раза выѣхать въ городъ и на базары и притомъ съ такимъ конвоемъ провожатыхъ, что въ присутствіи ихъ я могъ дѣлать только самыя отрывочныя разспросы о торговлѣ и промышленности города. Приходилось поручить это дѣло моимъ людямъ, но и за ними дѣятельно слѣдили. Кое-когда по вечерамъ проскользали къ моимъ людямъ знакомые и приносили имъ разныя базарныя новости и слухи. Объ этихъ слухахъ я уже упоминалъ выше. Теперь я долженъ прибавить, что въ Карши они были сильнѣе и чаще слышались, чѣмъ въ Бухарѣ. Это и понятно: центръ такихъ слуховъ, конечно, воелѣ эмира, а не въ народѣ. Здѣсь я считалю умѣстнымъ высказать мое мнѣніе по поводу азіатскихъ слуховъ вообще. Я придаю имъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ, напримѣръ, ходячимъ слухамъ у насъ или вообще у образованныхъ народовъ. Жизнь азіатскихъ народовъ, какъ наша до-петровская жизнь, которую восхищаются такъ наввно наши домашніе любители старины, очень проста и однообразна какъ по своей вѣшности, такъ и по своему внутреннему содержанію. Владѣтели и высшія лица въ государствѣ, по своей жизни и по своему развитію и образованію, ничѣмъ не отличаются отъ простаго люда; правда, они ходятъ въ лучшихъ халатахъ, живутъ въ лучшихъ домахъ, слаще ѣдятъ и пьютъ; но на этомъ и оканчивается все различіе,

нисколько въ дѣйствительности не существенное, ибо вчерашній бекъ, жившій въ большомъ домѣ, вѣдвшій въ хорошихъ халатахъ на хорошихъ лошадяхъ, сегодня самъ торгуетъ на базарѣ халатами и совершенно примиряется съ своею участью. Въ Бухарѣ я жилъ въ домѣ очень важнаго нѣкогда бека, Абдуль-Гафара (не Ура-Тюбинскаго ¹⁾), продающаго теперь халаты на базарѣ въ Самаркандѣ. Нынѣшній боканскій ханъ Худояръ, въ дни напастей и потери ханства, былъ торговцемъ мелочью (баквалъ) въ Джизакѣ. Такихъ примѣровъ можно найти много. Отсутствіе разницы въ привычкахъ жизни и умственнаго и нравственнаго развитія азіатскихъ народовъ порождаетъ то, что всѣ предположенія, намѣренія и чувства владѣтеля, всегда понятныя народу, силою самыхъ вещей, не могутъ быть отъ него скрыты. Не имѣя никакой умственной жизни, азіатскій владѣтель и его приближенные не могутъ стать выше своего народа, и потому понятно, что народъ этотъ находится съ ними въ постоянномъ и самомъ близкомъ общеніи. Вслѣдствіе этого общенія, основаннаго не на общемъ высомъ развитіи, а на общемъ низкомъ уровнѣ интеллектуальномъ и нравственномъ, вѣроятность базарнаго слуха въ Азій, конечно, въ нѣсколько сотъ разъ болѣе, чѣмъ вѣроятность такого же слуха въ странахъ цивилизованныхъ.

Позвольте объяснить это примѣромъ; сидитъ, положимъ, бухарскій эмиръ въ своемъ дворцѣ съ своими шутами и холопьями, изъ которыхъ многіе, можетъ быть, будутъ завтра министрами, и среди сязозъ и разсказовъ о городскихъ новостяхъ и сплетняхъ, волею - неволею говоритъ или проговаривается имъ о тѣхъ или другихъ своихъ намѣреніяхъ, симпатіяхъ или антипатіяхъ. На другой день слуги эти бѣгутъ по своимъ пріятелиамъ и разсказываютъ, чтó слышали у эмира; на третій день объ этомъ знаетъ уже половина города. Если слухъ поважнѣе, то онъ передается по секрету, но тѣмъ не менѣе о немъ всѣ знаютъ, и знаютъ его, конечно, не такъ, какъ знаютъ напримѣръ, у насъ о предположеніяхъ государственнаго совѣта. Если ко всему этому прибавить, что азіатская жизнь имѣетъ такое же (если не лучше) средство, какъ у насъ печать, для распространенія слуховъ — именно базаръ, то станетъ понятно, что базарные слухи въ Азійи вовсе не такъ безосновательны, какъ это съ перваго взгляда кажется. Въ нихъ есть преувеличенія и несообразности, но въ существѣ они гораздо вѣрнѣе всѣхъ нашихъ подобнаго рода слуховъ. При томъ же преувеличенія обоюдныя: эмиръ и его приближенные

¹⁾ Висшій Ура-Тюбинскій, мой хорошій знакомый, живетъ теперь въ Ташкентѣ.

преувеличиваютъ базарные слухи, базаръ — эмировскіе. Руководствуясь этими соображеніями, я принималъ къ свѣдѣнію всякій слухъ, который только доходилъ до меня во время моего путешествія по бухарскимъ владѣніямъ.

Изъ Карши мы выѣхали 10-го мая, одновременно съ эмиромъ, отправившимся съ 10 тыс. войска и 10 пушками въ Шахрисабъзъ. О количествѣ войска я знаю по слухамъ, а пушки видѣлъ самъ, когда выходилъ отъ эмира. Подъ каждой пушкой было запряжено 10 лошадей, и на каждой лошади сидѣлъ солдатъ. Впрочемъ, все смотрѣло довольно стройно и благообразно, такъ что превзошло мои ожиданія. Основываясь на словахъ эмира, самоустно разрѣшившаго мнѣ безпрепятственно разѣзжать по его владѣніямъ, я тотчасъ же по выходѣ отъ эмира заявилъ желаніе отправиться на Аму-Дарью, въ Керки, — но не тутъ-то было: Мирахуръ, избѣгнувшій палочныхъ ударовъ, захотѣлъ, очевидно, загладить самымъ ретивымъ образомъ свою прежнюю, хотя и минимую вину — привозъ меня въ Бухару. Начались самыя краснорѣчивыя отговорки. Какъ жидъ на ярмаркѣ, Мирахуръ безпрестанно перебѣгалъ то во мнѣ, то къ моимъ людямъ, отговаривая меня оставить мое намѣреніе и упрашивая ихъ склонить меня къ тому же. Всѣ отговорки о жаркой погодѣ, дурной дорогѣ, нападеніи туркменовъ, боязни предъ русскимъ начальствомъ за цѣлость моей особы, были мною отклонены; безповойство моего стража все болѣе и болѣе усиливалось, ибо приходилось сказать напрямикъ, что ѣхать нельзя. Наконецъ, когда весь запасъ отговорокъ былъ истощенъ, — слово это было произнесено, и я, скрѣпя сердце, удовольствовался. Всѣ эти продолжительные переговоры были важны для меня въ томъ отношеніи, что теперь я имѣю полное право сказать, что меня въ Керки не пустили.

Разговоръ о посѣщеніи Чарджуя я оставилъ до Бухары уже изъ хитрости: мнѣ хотѣлось получить отказъ по каждому городу отдѣльно; итакъ, оставивъ всякія надежды на Керки, приходилось ѣхать въ Бухару. Дорога отъ Карши до Бухары (18 ташей) голая степь, хуже которой мнѣ еще не приходилось видѣть. Наши каракумы и Голодная степь — роскошные луга въ сравненіи съ степью Каршинскою. Тутъ въ маѣ мѣсяцѣ уже не было никакой растительности; вода, негодная для питья, встрѣчалась только въ сардобахъ и рабатахъ, построенныхъ богобоязненнымъ Абдуллъ - Ханомъ лѣтъ 300 тому назадъ, для остановки путниковъ и каравановъ на этомъ безотрадномъ и опасномъ для нихъ пути. Для насъ везли воду изъ Карши, а съ половины дороги — привезли изъ Бухары. Собственно

степь начинается не прямо отъ Карши, а отъ кишлака Касана (у Ханькова невѣрно: Карсанъ), куда мы приѣхали въ полдень 10-го мая, проѣхавши много старыхъ развалинъ кургановъ и арыковъ. По всему видно, что степь эта была когда-то очень сильно населена, и что въ настоящее время здѣсь осталась только весьма малая часть прежняго населенія. По дорогѣ до кишлака Касана намъ встрѣчались стада барановъ особенной, такъ-называемой здѣсь, арабской породы, безъ курдюковъ, мелкаго роста, отличающейся хорошимъ качествомъ шёрсти. Такая порода овецъ, какъ я слышала, водится будто бы только повздѣ Карши и Бухары. Очень большой кишлакъ Касанъ (до 2-хъ т. домовъ, съ двумя пятничными ¹⁾ мечетями) населенъ таджиками, занимающимися между прочимъ шелководствомъ. Здѣсь мнѣ удалось видѣть выкормку червей шелкопрядовъ и разспросить кое-что о шелководствѣ. Породы тутовника и червей, періоды развитія болѣзней сихъ послѣднихъ, даже техническія названія оказались такия же какъ въ Туркестанскомъ краѣ. Мнѣніе, что шелководство пришло въ Среднюю Азію не изъ Китая, а изъ Персіи, мнѣ кажется вѣрнымъ, по крайней мѣрѣ для новѣйшаго времени. Размотки шелка въ Касанѣ нѣтъ, всѣ добываемые его жителями коконы отправляются для размотки въ Карши. Хотя касанскія поля орошаются еще водами Капка-Дарьи, но уже замѣтно, что воды здѣсь бываетъ немного; въ каждомъ почти домѣ находится колодезь (до 8-ми аршинъ глубины) съ весьма хорошею водою. За Касаномъ начинается уже голая степь, на которой, если не ошибаюсь, до самаго Ходжи-Мубарака (4 таша = 32 верст.) видны остатки большихъ арыковъ и слѣды большихъ нѣкогда поселеній. Въ этотъ кишлакъ мы приѣхали въ 2 часа ночи на 11-е мая.

Кишлакъ небольшой (до сто домовъ), весь въ развалинахъ, но съ весьма хорошею мечетью; населенъ онъ таджиками и арабами, Богъ-вѣсть чѣмъ занимающимися: я не видалъ на этой безотрадной мѣстности ни одного деревца, ни одной травы. Все имѣло такой жалкій видъ разрушенія и запустѣнія, что окружающая степь эта вондымающимися отъ вѣтра песками казалась мнѣ пригляднѣе (при лунномъ освѣщеніи), чѣмъ эта пародія на человѣческія жилища. Въ Ходжѣ-Мубаракѣ содержится караулъ изъ 30-ти человекъ для охраны отъ нападенія туркменовъ. Начальникъ этой стражи, величающій себя юсь-баши ²⁾, хотѣлъ-было сдѣлать

¹⁾ Пятница (джума)—соотвѣтствуетъ нашему воскресенью; джума-мечеть (пятничная мечеть) въ родѣ нашего собора.

²⁾ Т.-е. сотникомъ.

намъ торжественную встрѣчу, но я уволилъ его отъ этого раз-
вѣщенія, справедливо полагая, что въ такое время цѣлесообраз-
нѣе лечь спать, чѣмъ утруждать себя церемонными разгово-
рами о здоровьѣ нашего начальства. Отдохнувъ цѣлую ночь въ
Ходжъ-Мубарагъ, мы въ 3^{1/2} часа пополудни потянулись въ
Бакирь. Вѣтеръ былъ страшный; цѣлые холмы песку, засыпая
намъ глаза и платья, переносились съ мѣста на мѣсто; мы ѣхали
почти шагомъ въ самомъ мрачномъ расположеніи духа. Передъ
Бакиромъ вѣтеръ утихъ, и мы въ 7^{1/4} часовъ вечера добрались
наконецъ, усталые и измученные, до этого рабата. Тутъ насъ
встрѣтили посланные отъ кушъ-беги ¹⁾, привезли свѣжую воду
и фрукты и задали намъ приличное угощеніе.

Я думалъ-было выѣхать изъ Бакира пораньше, но Мирахуръ,
нануганный разказами о туркменахъ, посоветовалъ намъ про-
вести здѣсь всю ночь и выѣхать по восходѣ солнца. На этомъ
пути дѣйствительно случаются нападенія туркменовъ, и въ Бакирь
они чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. За два дня до нашего
пріѣзда было убито здѣсь два человѣка. Всѣ путники запираются
на ночь въ рабатъ и карауль (изъ 20-ти человѣкъ) стережетъ ихъ
съ заряженными ружьями. Насъ въ рабатъ помѣститъ было не-
возможно, и потому весь карауль, въ полномъ составѣ, образо-
валъ вокругъ насъ цѣпь, и такъ охранялъ насъ до самаго утра
12-го мая. По разказахъ начальника караула, въ пяти ташахъ
(40 верстъ) разстоянія къ Дарьѣ, начинаются весьма глубокіе
пески, по-брюхо лошади, въ которыхъ выжидаютъ добычи и
скрываются отъ нападеній туркмены. Преслѣдованія по этимъ
пескамъ не только невозможны, но и опасны. Много лошадей и
всадниковъ погибають въ нихъ не достигши цѣли. При этомъ
я долженъ замѣтить, что всѣ разказы о туркменахъ, которые
мнѣ приходилось слышать на этомъ пути, отличались особеннымъ
благоговѣніемъ и страхомъ передъ ловкостью и молодецествомъ
этого народа. Конечно, эти благоговѣніе и страхъ не выража-
лись прямо, но, какъ въ разказахъ нашихъ крестьянъ о зна-
менитыхъ разбойникахъ, они слышались въ каждомъ словѣ раз-
скащика.

Изъ Бакира, мы выѣхали утромъ и съ тѣми же мученіями до-
ѣхали до караула, болѣе просторнаго, чѣмъ Бакирь, рабата, оби-
таемаго сотеннымъ карауломъ, резиденціи главнаго начальника всей
охранительной стражи по этой дорогѣ. Здѣсь мы сдѣлали боль-
шой приваль, въ теченіе котораго мнѣ удалось осмотрѣть рабатъ

¹⁾ Соколычій (кушъ—птица), главный министръ.

и разспросить кое-что о дорожной стражѣ. Я не буду описывать видъ и устройство рабата; подобныя описанія значительно удлиннили бы мои и безъ того длинныя замѣтки. Укажу только на одно обстоятельство, показавшееся мнѣ особенно характернымъ. Кто ѣздилъ по нашимъ русскимъ дорогамъ и сиживалъ на станціяхъ, тому хорошо извѣстно, какими глупыми и подѣ-часъ циническими вещами бывають исписаны ихъ стѣны. Стѣны мусульманской станціи — рабата — были также исписаны, но не тѣми только выраженіями. Благочестивые путники и скромные торговцы, проходившіе по этому пути — въ виду-ли безотрадной степи и ежеминутной опасности или по другимъ причинамъ, не только не находили въ себѣ духа свернуть стѣны этого гостеприимнаго пріюта какими-либо пошлыми или циническими словами, а считали приличнымъ украшать ихъ такими выраженіями, которые ободряли и подерѣвляли бы ихъ собратій на этомъ тяжеломъ и опасномъ пути. Я очень теперь сожалею, что не записалъ для образца нѣкоторыхъ стихотворныхъ изреченій, которыя мнѣ удалось прочесть съ помощію моего мирзы, на стѣнахъ караульнаго рабата. Для охраненія пути отъ Карши до Бухары, какъ я сказалъ выше, поставлены на станціяхъ караулы: въ Ходжѣ-Мубаракѣ 30, въ Какирѣ 20 и въ караулѣ 100 человекъ. Стража эта, наемная, плохо вооруженная и враждебная полезная, стоить правительству очень дорого. Каждый стражникъ съ лошадыю получаетъ отъ казны 20 руб. въ мѣсяць на своемъ издивеніи. По истеченіи мѣсяца караулъ уходитъ въ Бухару, и на мѣсто его высылается другой. Эти непрерывныя смѣны воровождать то, что ни на одной станціи нѣтъ никакого признака есѣдлости: бездѣльные стражники, плохо наворимленные и напоенные, только и думаютъ какъ бы посворѣе дожить срочное время и вернуться въ Бухару. Выбравшись изъ караула въ 4 часа пополудни и проѣхавши остатки до-нелзя надѣвшейся намъ степи, мы пріѣхали наконецъ въ 8 часовъ вечера въ первый прибухарскій кишлакъ Каганъ¹⁾. Тяжелый путь былъ оконченъ, на-завтра приходилось увидѣть благородную Бухару...

Всякій пойметъ, въ какомъ настроеніи былъ я и мои мусульмане. Въ Каганѣ мы ночевали и на другой день, 13-го мая въ 8 часовъ утра, въѣхали въ Бухару. Ожиданія, какъ извѣстно, рѣдко сходятся съ дѣйствительностію. Такъ было въ настоящемъ случаѣ и со мной. Бухару я нашелъ далеко не такою, какою

¹⁾ Маршрутъ отъ Карши до Бухары, указанный въ книгѣ Ханнизова, оказался вполне вѣрнымъ.

предполагать въ своемъ воображеніи. Того величія развалинь минувшей мусульманской жизни, какое чувствуется при въѣздѣ въ Самаркандъ, — въ Бухарѣ нѣтъ. Большой пыльный городъ, безъ садовъ, съ очень узенькими и кривыми улицами и высокими безобразными домами, производилъ на насъ даже не веселое впечатлѣніе. Множество обширныхъ медресъ и мечетей, прочно и красиво построенныхъ изъ жжёнаго кирпича, перемежались съ глиняными лачугами и вонючими базарчиками, и, не идя передъ собой площадей, много теряли въ своемъ видѣ. Пошлимъ ходомъ болѣе часу ѣхали мы по этимъ кривымъ улицамъ, окруженные почетною стражей въ красныхъ халатахъ и кровожатыми отъ купъ-беги, встрѣтившими насъ наканунѣ въ Каганѣ. Народу было не особенно много, но лица смотрѣли радушно, по крайней мѣрѣ (какъ мнѣ казалось) радушиѣ чѣмъ въ другихъ городахъ. Многие думали, какъ мнѣ сказывали послѣ, что вмѣстѣ съ нами придетъ въ Бухару вода, безъ которой жителямъ приходилось плохо: всѣ рынки и хаузы¹⁾ были пусты, деревья сохли и колодезной воды едва доставало для питья людей и лошадей. Во все время пребыванія нашего въ Бухарѣ жары и духота стояли невыносимыя. Въ дорогѣ я разбилъ мой термометръ и потому не былъ въ состояніи опредѣлить степень этого жара; но могу сказать, что такой жары, какаѣ была въ Бухарѣ, въ Ташкентѣ я никогда не испытывалъ. Вода пришла послѣ нашего отъѣзда, когда эмиръ выслалъ наконецъ, согласно уговору, въ Самаркандъ за водой Зиаудинскаго бека Астана-Кула.

Мнѣ отвели помѣщеніе не за городомъ, какъ желалъ Миратуръ, а въ самомъ городѣ, какъ хотѣлось мнѣ, чтобы быть ближе къ базару. Въ приготовленномъ для меня домѣ я нашелъ русскую мебель и былъ встрѣченъ главнымъ заветчи Таксабой²⁾, сыномъ кунъ-беги. Зная, что лицо это, правая рука своего отца, играетъ въ торговыхъ дѣлахъ весьма важную роль, я старался быть съ Таксабой какъ можно любезнѣе: хвалилъ отведенное мнѣ помѣщеніе, любезность встрѣтившихъ насъ лицъ, изящество дистархана³⁾ и т. п. Красивое, но глупое лицо Таксабы прояснилось, и всѣ мои любезности, какъ я узналъ послѣ, были въ точности переданы самому кунъ-беги. Въ Бухарѣ я прожилъ 10 дней и, разумѣется, все вниманіе мое обращалъ на тотъ предметъ, который составлялъ главную цѣль моей повѣдки, т. е. торговлю. Несмотря на всѣ за-

¹⁾ Общественные пруды.

²⁾ Таксаба — чинъ; его сравниваютъ съ чиномъ нашего полковника.

³⁾ Буквально — салфета, а въ переносномъ смыслѣ — угощеніе.

трудненія, которыя намѣренно и хитро устраивались **Мираху-ромъ**, чтобы помѣшать моимъ занятіямъ, я все-таки, съ помощью **Н. С. Трубочанинова**, **Бай-Магомета** и живущаго въ Бухарѣ довѣреннаго купцовъ **Бызовскихъ** **И. Н. Шмелева**, весьма обязательнаго человека, — успѣлъ собрать по этому предмету нѣкоторыя, нелишенные интереса свѣдѣнія, особенно по индѣйской торговлѣ.

Вотъ мое мнѣніе о Бухарѣ и о всей ея торговлѣ. Мнѣніе это, я долженъ оговориться, не есть, такъ сказать, продуктъ 10-ти-дневнаго обзорѣнія Бухары, оно составилось у меня гораздо ранѣе, еще въ зашрошломъ году послѣ посѣщенія мною Самарканды. Настоящая моя поѣзда въ Бухару только подтвердила мои прежніе взгляды. По моему глубокому убѣжденію, основанному на двухгодичномъ наблюденіи средне-азиатской торговли, Бухара есть самый главный пунктъ этой торговли, настолько для насъ важный, что положеніемъ и направленіемъ его торговли должны обуславливаться всѣ наши дальнѣйшія дѣйствія въ Средней Азій. Будучи огромнымъ складомъ русскаго и англо-индѣйскаго товара, Бухара ведетъ обширную и оживленную торговлю со всѣми соседними мусульманскими странами, получая отъ нихъ ихъ мѣстные произведенія и снабжая ихъ, въ свою очередь, товарами изъ своего склада. Условія англо-индѣйской бухарской торговли мы, къ сожалѣнію, знаемъ очень мало, но знаемъ хорошо торговую энергію и предприимчивость нашихъ соперниковъ и наше русское «авось». Кто можетъ поручиться, что при нашей небрежности въ бухарскомъ рынку вся торговля Средней Азій не перейдетъ въ руки англичанъ или ихъ подручниковъ авганцевъ? А намѣки на это уже есть, и какъ я скажу ниже о чаѣ, довольно осязательные. Тогда, конечно, намъ дѣлать въ Средней Азій будетъ уже нечего.

Предположенія мои о бухарскомъ базарѣ, я долженъ сознаться, оказались значительно слабѣе дѣйствительности. Стоитъ только разъ взглянуть на этотъ базаръ, по крайней мѣрѣ въ пять разъ бблшій ташкентскаго, съ его громадными изъ жженнаго кирпича караванъ-сараями и тимами ¹⁾ (первыхъ 24, вторыхъ до 6-ти), набитыми всевозможными товарами далекой Индіи и столь же далекой Москвы, съ его торговыми, отъ пешаурца до казанскаго татарина включительно, чтобы сказать, что рынокъ этотъ не чета нашему ташкентскому. Изъ Индіи и Авганистана идутъ сюда до тысячи предметовъ, такъ-

1) Камениые закрытые гостяные дворы.

называемого аттарскаго ¹⁾ товара (красильныя и лекарственныя вещества и мелочь), около шестнадцати сортовъ зеленого чая, масса разнообразныхъ хлопчато-бумажныхъ матерій, шали, парчи, оній, фаянсовая посуда, металлическія издѣлія, печатныя книги. Караванъ-сарай: Абдурашидъ, Бадрудзинъ, Баранкуна, Дамляширъ, Измаилъ-Ходжа и Мирза-Гуль—служать складами почти исключительно индѣйскаго товара. Персія снабжаетъ Бухару нѣкоторыми красильными веществами, такъ-называемыми мешеускими ситцами, сѣрой, перцомъ, оружіемъ, серебромъ и въ весьма значительномъ количествѣ писанными и печатными книгами. Изъ Хивы приходятъ готовыя шубы, льняное масло, баранье сало, шпеница, рисъ, яблоки, бараны, кукнаръ ²⁾, желѣзный купоросъ и русскіе товары: сахаръ, чугунные котлы, леденецъ и т. п. Герать высылаетъ сухіе фрукты, мѣха, барановъ и рабовъ, а Мервъ—гурьменскихъ лошадей и оружіе. Навонецъ, на бухарскій базаръ стигаются произведенія мѣстныхъ: хлопокъ, шелкъ, шерсть, пряжи, мѣха, кожи, краски, хлѣбъ, шелковыя и бумажныя издѣлія, готовое платье и т. п. Въ свою очередь Бухара высылаетъ въ эти страны либо свои, либо произведенія сосѣднихъ государствъ. Въ Авганистанъ—золото, шелкъ, верблюжью шерсть, козій пухъ, марену, шелковыя и полупшелковыя матеріи, русское сукно, бархатъ и атласъ, бѣличьи шубы, лошадей, ишаковъ ³⁾ и даже кошекъ и соловьевъ. Въ Хиву—чай, табакъ, оній, хлопокъ, шелкъ, марену, аттарскій товаръ, шелковыя, полупшелковыя и бумажныя матеріи. Въ Персію—золото, мерлушки, шелковыя матеріи и русское сукно и бархатъ. Уже однихъ этихъ простыхъ и враткихъ перечисленій странъ и товаровъ достаточно, чтобы подтвердить высказанное мною выше мнѣніе о торговомъ значеніи бухарскаго рынка, ежегодный оборотъ котораго, по приблизительному исчисленію, достигаетъ до 40 милл. рублей. Когда-нибудь я постараюсь разсмотрѣть этотъ вопросъ возможно обстоятельнѣе, ибо, повторяю еще разъ, въ удовлетворительномъ его разрѣшеніи лежитъ, по моему мнѣнію, вся суть дѣла нашего въ Средней Азій. Не разгадавъ Бухары, мы никогда не поставимъ средне-азиатскую торговлю въ выгодное для насъ положеніе, даже болѣе:—можетъ случиться, что вслѣдствіе незнанія бухарскаго рынка, мы его окончательно потеряемъ, уступивъ другимъ то, что было, такъ ска-

¹⁾ Отъ „атръ“—амбра.

²⁾ Шелуха сѣменныхъ головокъ мака, изъ которой готовится одуряющій напитокъ.

³⁾ Ишакъ—оселъ.

зять, у насъ подъ носомъ, а тогда, по пословицѣ: «близость лѣвоть, да не укусишь»,—поправить ошибку уже будетъ невозможно.

Въ настоящее время можно пока съ увѣренностію сказать, что торговля русскими товарами имѣеть здѣсь первостепенное мѣсто, и тяготѣніе Бухары въ Маварію (т.-е. нижегородской армаркѣ) чувствуется на каждомъ шагѣ. Русскими хлопчато-бумажными произведеніями (кромѣ кисей, но съ прибавленіемъ тилѣ, котораго изъ Авганистана не привозятъ) Бухара завалена буквально сверху до низу. На мой взглядъ, русскаго бумажнаго товара по крайней мѣрѣ разъ въ шесть болѣе англійскаго. Я видѣлъ на базарѣ этикетки фабрикъ: Сололова, Богомазова, Сучкова, Истомина, Муравьева, Корнилова, Шереметьева, Манулова, Сидорова, Морозова, Урусова, Баранова, Зубова, Борисова, Миндовскаго, Фомина и Зивина. Затѣмъ идутъ сукна фабрикъ: Осипова, Ремизова и Тулаева, плизъ, парча и бархаты; кожи кунгурская и уфимская, юфта, пряжа (ярославская и Лодера); прутковое, полосовое и листовое желѣзо, чугуныя котлы, мѣдь, латунь, олово, свинець, мѣха, мѣдныя и желѣзныя издѣлія, фаянсовая посуда, сахаръ, леденець (преимущественно Кокина), сахарный песокъ, квасцы (идутъ больше Ушговскіе), купоросъ (синій), нашатырь, сандалъ (идеть тертый), фуксинъ (преимущественно первый сортъ; второй и третій нейдутъ), стеариныя свѣчи, писчая бумага, ртуть, мишура, бисеръ, краски, сундуки и всякая мелочь. На память я не могу теперь перечислить всѣхъ видѣнныхъ мною на бухарскомъ рынкѣ русскихъ товаровъ, но современемъ я непременно составлю подробный каталогъ этихъ товаровъ, съ обозначеніемъ ихъ цѣнъ и нѣкоторыми моими примѣчаніями.

Здѣсь достаточно будетъ сказать, что цѣны на всѣ почти русскіе товары въ Бухарѣ значительно ниже ташкентскихъ. Разница въ цѣнѣ, напримѣръ, сахара достигала, во время моего пребыванія въ Бухарѣ, 5 руб. на пудъ (въ Бухарѣ 11, въ Ташкентѣ 16 руб.), но, говорятъ, бываетъ и больше. Въ прошломъ году я пытался-было (въ частномъ письмѣ въ А. И. Б.) объяснить эту разницу мѣновымъ характеромъ торговли, т.-е. наложеніемъ на бухарское сырье всей сбавки на русскіе товары, но теперь вижу, что кромѣ этой причины дѣйствуютъ еще много другихъ, объяснить которыя надо подумавши. Какъ ни пріятно русскому человѣку, захватшему въ Бухару, видѣть такую разнообразную массу товаровъ своей родины и чувствовать тяготѣніе бухарскаго рынка въ отдаленнымъ торговымъ центрамъ Россіи, тѣмъ не ме-

нѣе отъ этого же завѣзлаго человѣка не скрывается и другая, печальная сторона дѣла: отсутствіе на этомъ рынкѣ русскихъ торговцевъ. Я указываю на это обстоятельство не изъ кваснаго патриотизма, а во имя торговыхъ интересовъ и главнымъ образомъ Москвы, снабжающей Бухару издѣліями своихъ фабрикъ. Вся торговля русскими товарами ведется въ Бухарѣ туземцами, либо татарами.

На первый взглядъ покажется, что въ этомъ обстоятельстве, повидимому, нѣтъ еще особенной бѣды, лишь бы русскіе товары шли въ Среднюю Азію, но на дѣлѣ выходитъ другое. Московскіе, оренбургскіе и троицкіе купцы знаютъ лучше меня, какъ отплачиваютъ имъ за ихъ довѣріе бухарцы. Неуплата въ срокъ денегъ за взятый въ кредитъ товаръ или уплата ихъ по нѣскольکو копѣекъ съ рубля, а иногда и просто скрытіе товара и должника — явленіе самое обыкновенное въ нашей бухарской торговлѣ. Рѣдкій изъ русскихъ торговцевъ, отпускающихъ въ Бухару товаръ, не испыталъ на себѣ котораго-нибудь изъ этихъ случаевъ, и все это очень понятно и легко объяснимо. Всѣ торговныя сношенія между русскими купцами и ихъ кредиторами — бухарцами совершались и совершаются на самыхъ широкихъ основаніяхъ довѣрія со стороны русскихъ и полной безнаказанности за его нарушеніе со стороны бухарцевъ. Не зная своего будущаго должника-бухарца, пріѣхавшаго изъ-за 4 т. верстъ, не имѣя никакихъ понятій о его коммерческихъ оборотахъ, русскій торговецъ отпускаетъ ему свой товаръ въ кредитъ, такъ сказать, на «ура», не будучи ровно ничѣмъ гарантированъ не только въ полученіи денегъ, но и въ отсыланіи, въ случаѣ надобности, своего должника. Въ свою очередь бухарскій человѣкъ, торгашъ въ душѣ, очень хорошо понимаетъ превосходство своего положенія, и зная, что его достать трудно, съ спокойнымъ духомъ обманываетъ своего кредитора, употребляя тотъ или другой изъ указанныхъ мною способовъ. Конечно, не всѣ вообще дѣла ведутся такимъ образомъ, но нельзя отрицать, чтобы такіе случаи были рѣдкими, а тѣмъ болѣе исключительными. Напротивъ того, они такъ часты и постоянны, что становятся уже характернымъ признакомъ этой торговли и рассказъ о нихъ займетъ, по моему мнѣнію, не послѣднее мѣсто въ исторіи нашихъ торговыхъ сношеній съ Бухарою. Если ко всему этому прибавить, что вся торговля сырьемъ, главнымъ образомъ, хлопкомъ и шелкомъ, находится безусловно въ рукахъ бухарцевъ и мѣстныя условія этой торговли остаются до сего времени совершенно недоступными для русскихъ торговцевъ, то станетъ понятнымъ, что преобладаніе

на бухарскомъ рынкѣ русскихъ товаровъ, несмотря на ихъ количество, далеко еще не упрѣчено и рано или поздно можетъ быть легко покорено. Это сдѣлается, конечно, мало-по-малу, незамѣтно для насъ самихъ, какъ сдѣлалось, напримѣръ, съ чайной торговлей. Этихъ объясненій, мнѣ кажется, достаточно, чтобы доказать, какъ важно пребываніе въ Бухарѣ русскихъ торговцевъ, или по крайней мѣрѣ, агентовъ отъ русскихъ торговыхъ домовъ. Смѣшно сказать, что въ такомъ торговомъ центрѣ, какъ Бухара, ведущемъ такую обширную торговлю съ Россіей, живетъ всего-на-всего одинъ только русскій торговецъ ¹⁾, тогда какъ приказчиковъ авганскихъ купцовъ, безпрестанно шмыгающихъ изъ Бухары въ Кабуль, Пешауръ и обратно, можно считать десятками...

Въ заключеніе этого конечно краткаго и неполнаго обзора бухарской торговли я считаю себя обязаннымъ изложить здѣсь мои наблюденія надъ чайной торговлей. Въ Бухарѣ она для насъ окончательно пропала. Огромные караваны (по 5 т. верблюдовъ) зеленого чая ежегодно приходятъ въ Бухару изъ Авангистана и затѣмъ расходятся по бухарскимъ владѣніямъ, туркестанскимъ степямъ, идутъ въ Хиву и проникаютъ въ Кованъ и русскій Туркестанъ. Чернаго чая буквально нѣтъ нигдѣ. Для меня, правда, находили въ Бухарѣ (и очень легко) рижскій бальзамъ, но не могли найти фунта фамилнаго чая, сколько-нибудь годнаго для питья. Въ гостяхъ у кушъ-беги я нѣлъ черннй чай такой, отъ котораго меня чуть-чуть не стошнило. Склады зеленого чая въ Бухарѣ громадныя; конкурировать съ ними русскимъ чаемъ невозможно, какъ по сравнительной дороговизнѣ этихъ послѣднихъ, такъ и потому, что уже мѣсто занято. Теперь намъ остается только не допустить этого чая въ наши предѣлы, оставивъ всякую надежду вытѣснить его изъ Бухары. Все, что я сказалъ выше, относилось до чая зеленого; для кирпичнаго (именно яблочнаго, алма-чай) я дѣлаю исключеніе. Можетъ быть, при энергіи нашихъ торговцевъ имъ удастся вытѣснить этотъ чай изъ Бухары таковымъ же, но лучшаго качества, идущимъ къ намъ изъ Кяхты.

За отсутствіемъ эмира, хозяиномъ города былъ бій Магомедді, исправляющій должность кушъ-беги. Его я видѣлъ два раза: на другой день послѣ пріѣзда въ Бухару и передъ самымъ

¹⁾ И. Н. Шмелевъ, довѣренный г. Быховскихъ, если не считать В. И. Грошева, занимающагося заготовленіемъ маты (бѣлой бумажной матеріи) для русскихъ войскъ въ Ташкентѣ.

взъ нея выѣздомъ. Достопочтенный бѣй Магомедди, извѣстный еще нашимъ плѣнникамъ въ 1867-мъ году, какъ курбаша города Бухары, по происхожденію иранецъ. Послѣ служенія своего полничіймейстеромъ столицы, онъ сдѣланъ былъ главнымъ начальникомъ бухарскихъ войскъ, и затѣмъ, недавно, послѣ смерти кушъ-беги, ему поручено исправленіе этой важной должности. Снитай ¹⁾ по роду своихъ занятій, бѣй Магомедди тѣмъ не менѣе человѣкъ грамотный, и, какъ мнѣ кажется, очень мало воинственный. Стоить только взглянуть на его доброе и веселое лицо, на его дородную и медленно-движущуюся мѣшкватую фигуру, чтобы сказать, что человѣкъ этотъ не созданъ командовать арміями, да, пожалуй, не созданъ и править государствомъ. На меня онъ произвелъ впечатлѣніе стараго барскаго ключника, тщательнаго берегущаго барское добро, точно исполняющаго свои обязанности, подчасъ, въ угоду барину, строящаго изъ себя шута, но не возмущающагося никогда до даванія ему совѣтовъ или противорѣчій его намѣреніямъ. Не будучи развратникомъ, какъ большинство окружающихъ эмира лицъ, онъ тѣмъ не менѣе не могъ отстоять своей семейной независимости и недавно, по приказанію эмира, долженъ былъ взять себѣ въ жены одну изъ жертвъ любострастія своего господина. Развѣ это не наше доброе, старое время—награжденіе ключниковъ барскими любовницами? Тѣмъ не менѣе я долженъ сказать, что дѣйствія кушъ-беги по отношенію къ торговлѣ и торгующимъ заслуживаютъ всякой похвалы. Человѣкъ онъ очень доступный и простой, взятокъ, кажется, беретъ мало, и, главное, ближайшій помощникъ его (заякетчи) его единственный сынъ, не особенно умная, но очень симпатичная личность. Оба эти лица окружили себя преданными имъ соотечественниками, францами, которые, какъ люди, бывшіе нѣкогда въ тяжеломъ положеніи рабовъ, не даютъ себѣ воли и гораздо гуманнѣе сартовы. Отношенія кушъ-беги къ Мирахуру болѣе чѣмъ натянутыя; оба они ненавидятъ другъ друга и въ состояніи скрывать это, особенно Мирахуръ, безпрестанно твердившій мнѣ, что еслибы былъ живъ прежній кушъ-беги, меня, конечно, не встрѣтили бы такъ, какъ при кушъ-беги настоящимъ. Почему не правилась ему сдѣланная мнѣ встрѣча — я не знаю; но думаю, что все это говорилось для того, чтобы не расположить меня къ кушъ-беги и чтобы нерасположеніе мое къ нему было передано въ письмахъ къ нашему начальству. Я, разумѣется, на эту новую хитрость не поддался, и мало того—далъ понять людямъ кушъ-

¹⁾ Службное сословіе, безграмотное, но менѣе фанатичное, чѣмъ духовное.

беги, что вліянія на мои мнѣнія Мирахуръ не имѣеть. Эти отношенія между главнымъ государственнымъ сановникомъ бухарскаго ханства и довѣреннымъ этого ханства у нашего начальства служить, по моему мнѣнію, второю причиною непригодности Мирахура для нашихъ интересовъ. Трудно поручиться, будетъ ли онъ настолько благоразумнымъ, чтобы стать выше личныхъ отношеній, и ради интересовъ дружбы и мира поддерживать (если даже не тормазить) всѣ тѣ дѣла, рѣшеніе или направленіе которыхъ будетъ зависѣть непосредственно отъ купшъ-беги. Я думаю, что на такую высоту онъ подняться не въ состояніи.

При первомъ свиданіи съ купшъ-беги я заговорилъ о своемъ желаніи ѣхать въ Чарджуй. Бѣдный премьеръ, неполучившій, какъ видно, отъ эмира никакихъ на этотъ предметъ указаній, совершенно растерялся, и въ сильномъ смущеніи началъ замѣтно для всѣхъ насъ подмаргивать Миракуру, приглашая его выручать себя изъ этой бѣды. Краснорѣчивый Мирахуръ, какъ я и ожидалъ, повторилъ мнѣ всѣ тѣ доводы, которые уже были высказаны мнѣ въ Карши противъ моего намѣренія ѣхать въ Керки. Въ свою очередь, я проговорилъ всѣ тѣ же возраженія, которыя противопоставлялъ ему тамъ относительно этихъ доводовъ. Я впередъ зналъ, что въ Чарджуй меня не пустять, но мнѣ нужно было продѣлать этотъ діалогъ, чтобы получить отказъ въ положительной формѣ. По выполненіи, довольно удовлетворительномъ, нашихъ ролей, мнѣ сказали, что въ Чарджуй ѣхать нельзя. Отказъ этотъ (не то что въ Карши) я принялъ совершенно сповоино: я уже убѣдился, что вѣрять Бухарѣ ни въ чемъ нельзя. Приходилось остаться на мѣстѣ и по крайней мѣрѣ разузнать что-нибудь о торговлѣ. Но и тутъ пропастъ затрудненій. Оказалось, что по базару мнѣ можно ѣздить только съ провожатыми въ красныхъ халатахъ, привлекающими ко мнѣ массу народа, что входить въ разговоры съ торговцами мнѣ, какъ большому человѣку, неприлично, что осмотръ медрессы и мечетей можетъ показаться народу страннымъ и т. п. и т. п. Рядомъ мучительныхъ переговоровъ мнѣ удалось, наконецъ, избавиться отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ стѣсненій, но, тѣмъ не менѣе, ни въ медрессѣ, ни въ мечети я не входилъ и залучить къ себѣ торговцевъ не могъ. Все, что мною собрано о торговлѣ, сдѣлано болѣе черезъ посредство моихъ спутниковъ, чѣмъ мною самимъ. Чтобы отвлечь меня отъ базара, Мирахуръ выдумалъ новую хитрость, на которой и попался. Онъ посоветывалъ мнѣ не беспокоиться развѣздами по базару и притомъ въ жаркое время дня, а лучше призывать къ себѣ разныхъ маэлеровъ и торговцевъ и отъ нихъ

получать какія мнѣ нужны свѣдѣнія. Я согласился, полагая, что всѣ собранныя мною отъ нихъ свѣдѣнія я усѣю перевѣрить потомъ на базарѣ. Собрались во мнѣ всѣ эти лица, и Мирахуръ началъ говорить имъ, въ моемъ присутствіи, но-турекски, рѣчь, что вотъ, дескать, пріѣхалъ большой тюръ ¹⁾, которому нужно знать вотъ то-то и то-то. Бы должны все это ему подробно разсказать, ибо это будетъ полезно для дѣла дружбы и пріятно эмиру и русскому начальству. Затѣмъ, когда я предложилъ пришедшимъ маклерамъ предварительно побесѣдовать съ Бай-Магометомъ, Мирахуръ очень настоятельно, уже но-персидски, рекомендовалъ имъ не говорить ничего положительнаго. Возмущенный этими словами (точасъ же переданными мнѣ по секрету Бай-Магометомъ), я сдѣлалъ Мирахуру сцену, послѣ которой онъ въ одно и то же время просилъ у меня прощенія и увѣрялъ, что я его словъ не понималъ. Я кривторился, что дѣйствительно не понималъ, и мы разстались друзьями. Вотъ при какихъ условіяхъ мнѣ приходилось изучать мѣстную торговлю.

Отъ куптъ-беги я получилъ калатъ и хорошую лошадь, — подарки, какъ мнѣ сказалъ Мирахуръ, не цѣнные. Я имѣю основаніе думать, что онъ самъ посоветовалъ сдѣлать мнѣ такіе подарки, и затѣмъ, мѣряя на свой аршинъ, думалъ, что нецѣнность ихъ повредитъ въ моихъ глазахъ его противнику. Я передаю всѣ эти мелочи потому, что онѣ рельефнѣе, чѣмъ мои слова, обрисовываютъ здѣшніе нравы и характеры.

Послѣ перваго свиданія моего съ куптъ-беги, я задумалъ попасть на невольничій базаръ. Существованіе въ гор. Бухарѣ рынка для продажи невольниковъ подвергалось въ послѣднее время сомнѣніямъ. Было мнѣніе, что съ завоеваніемъ русскими Самарканда открытая продажа невольниковъ на базарахъ не только ослабла, но и совсѣмъ превратилась. Мнѣніе это подтверждалось, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что никто изъ официальныхъ лицъ, посѣщавшихъ въ недавнее время Бухару, не видѣлъ невольничьяго базара и не заявлялъ о его существованіи; даже болѣе, одно изъ этихъ лицъ, не помню именно кто, положительно отвергало существованіе такого базара. Мнѣ первому удалось увидѣть невольничій базаръ и собственными глазами убѣдиться, что постыдный торгъ людьми производится постоянно и въ значительныхъ размѣрахъ въ 190 верстахъ отъ русской границы, открыто безъ всякой утайки, на базарѣ въ центрѣ города. Вчера,

¹⁾ Тюръ—названіе, присвоенное всѣмъ принципамъ крови, а съ занятіемъ Туркестана—всѣмъ русскимъ военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ. Digitized by Google

въ сопровожденіи пристава отъ кушъ-беги, я посѣтилъ караванъ-сарай, гдѣ продаются невольники, и видѣлъ ихъ продажу. Сарай этотъ помѣщается на большомъ базарѣ (Регистанъ), въ той его части, которая называется Чарсу, и носитъ названіе Пай-Астана. Нижній этажъ сарая занятъ продавцами сырыхъ кожъ, верхній—невольниками. Продажа производится каждый день съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ при продажѣ товаровъ формальностей, какъ-то: оцѣнки товара маклеромъ, уплатѣ зявета и т. п. Во время моего посѣщенія, въ сараѣ находилось до 100 чело-вѣкъ мужчинъ и до 30 женщинъ и дѣтей. При мнѣ былъ проданъ 12-ти-лѣтній мальчикъ за 120 рублей. Хотя я побѣхалъ въ сарай неожиданно и почти насильно, тѣмъ не менѣе приставъ мой успѣлъ предупредить о моемъ посѣщеніи, и сарай къ моему пріѣзду былъ прибранъ: большие невольники и слишкомъ плачущія женщины и дѣти были спрятаны на заднемъ дворѣ, а на показъ мнѣ были оставлены болѣе приличныя по вѣщности и болѣе привычныя къ своему положенію... По собраннымъ мною свѣдѣніямъ продажа невольниковъ производится не только на базарѣ, но и въ отдѣльныхъ домахъ у барышниковъ (Куль-Джалапъ), и не только въ Бухарѣ, но и во многихъ городахъ и большихъ кишлакахъ. Главный невольничій базаръ во всей Средней Азій—есть Бухара. Барышники скупаютъ невольниковъ у туркменовъ, и затѣмъ перепродаютъ ихъ либо въ другіе города и кишлаки, либо въ Хиву. Если положить, что каждый день продается только одна десятая часть того числа невольниковъ, которыхъ я видѣлъ въ караванъ-сарай, то число всѣхъ невольниковъ, продаваемыхъ ежегодно въ одной только Бухарѣ, превзойдетъ 4 тысячи чело-вѣкъ. Посѣтить невольничій базаръ мнѣ стоило большихъ усилій: все краснорѣчіе Мирахура было исчерпано, чтобы отклонить меня отъ моего намѣренія, но я остался непоколебимъ и добился моего желанія.

Передъ моимъ отъѣздомъ обратно изъ Бухары И. Н. Шмелевъ, единственный представитель русскихъ купцовъ въ Бухарѣ, пригласилъ меня къ себѣ обѣдать въ караванъ-сарай Аимъ, гдѣ обыкновенно останавливаются и торгуютъ всѣ рѣдкіе русскіе торговцы, пріѣзжающіе въ Бухару. Противъ принятія этого приглашенія на меня сильно возсталъ Мирахуръ, находя, что мнѣ, большому, по его мнѣнію, чело-вѣку совершенно неприлично ѣхать въ караванъ-сарай а тѣмъ болѣе якшаться съ купцами; для бухарскаго тюри непонятно чело-вѣческое обращеніе съ купцомъ. Кромѣ того онъ видѣлъ въ этомъ обиду для эмира, неумѣннаго какъ будто бы приличнымъ образомъ принять и угостить меня. «Они наши слуги», говорилъ

о купцахъ сей мусульманскій бодринъ, «мы ихъ должны кормить и жаловать, а не они насъ». Но И. Н. Шмелевъ, узнавъ объ этихъ разговорахъ, обидѣлся бы и справедливо, еслибъ я отклонилъ его приглашеніе. Я былъ въ затрудненіи, какъ поступить въ этомъ щекотливомъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что никакіе доводы и убѣжденія о нашихъ обычаяхъ и порядкахъ, отличныхъ отъ мусульманскихъ, на Мирахура не дѣйствовали, и только случайно подвернувшаяся мнѣ на память ссылка на авторитетъ русскаго начальства, которое никогда не отвергаетъ въ подобныхъ случаяхъ приглашенія купцовъ, помогла мнѣ разубить сей Гордіевъ узелъ къ общему удовольствію обѣихъ сторонъ.

Часа въ два пополудни отправился я въ Аимъ-Сарай безъ всякихъ почетныхъ провожатыхъ. Это кажется сдѣлано было съ цѣлю не придавать моему поѣздкѣ особой важности. Бѣдная каморка И. Н. Шмелева, обитая къ моему пріѣзду коленкоромъ и всячески разувращенная, представляла самый праздничный видъ. На огнѣ играла шарманка и ожидали прихода скрипки, въ свое время неявившейся; на дворѣ толпился народъ, сарты смотрѣли къ намъ въ окна, словомъ томанша ¹⁾ была большая. Радужный хозяинъ, обрадованный счастливымъ исходомъ дѣла, суетился донельзя и угостилъ на славу — всѣмъ, что только можно было найти въ Бухарѣ. Этотъ радужный, отъ чистаго сердца пріемъ, произвелъ на меня, послѣ всяческаго бухарскаго лицемѣрства, самое пріятное впечатлѣніе. Я думаю, что и для туземцевъ онъ имѣлъ нѣкоторое значеніе. На другой день мнѣ принесли съ базара новости, что туземные купцы были очень довольны моимъ посѣщеніемъ Айма-Сарая. Русскій тюря, говорили они, не побрезгалъ пріѣхать въ сарай и угощаться съ купцами—значить, мнѣнія купцовъ далеко не сходились въ этомъ случаѣ съ мнѣніемъ Мирахура.

Зная нѣсколько тюркскій языкъ и безпрестанно скитаясь по базарамъ, я имѣлъ время и возможность приобрести множество отрывочныхъ и разнообразныхъ свѣдѣній, преимущественно о разныхъ промышленныхъ производствахъ. Этими свѣдѣніями я приводилъ въ Бухарѣ въ немалое удивленіе всѣхъ лицъ, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать. Мусульманскимъ людямъ было изумительно и непонятно видѣть большого русскаго тюря, знающаго, напр., всѣ названія сортовъ различныхъ товаровъ, всѣ кассаба ²⁾, бесѣдующаго о различныхъ производствахъ и даже о

¹⁾ Развлеченіе.

²⁾ Арабское слово, означающее вообще промыселъ: „Утузь-ики-кассаба“ (тридцать два промысла) означаютъ все вообще промышленное сословіе, хотя родовъ и видовъ промысловъ гораздо больше, чѣмъ 32.

шаріятъ и о сектахъ. Я никогда не забуду того удивленія, которое выразилось на лицахъ всѣмъ присутствовавшихъ, когда я, разсматривая принесенный ко мнѣ особаго сорта канаусъ, въ родѣ нашей саржи, замѣтилъ, что его ткали съ большимъ количествомъ ремизовъ, чѣмъ обыкновенный. По всей комнатѣ пошелъ благоговѣйный шопоть о моей мудрости. Въ другой разъ, въ Карши, я сконфузилъ мутавали¹⁾ замѣтивъ, что либо медресса построено позднѣе, чѣмъ онъ говоритъ, либо строитель медрессы жилъ ранѣе, ибо въ противномъ случаѣ строитель его не могъ быть изъ севты напхбандія, какъ утверждали мутавали, потому что глава этой секты—Богоуддинъ жилъ гораздо позднѣе, чѣмъ умеръ строитель медрессы. Какъ-то въ дорогѣ я запылъ стихъ, который поютъ дуваны²⁾, и изумленію окружающихъ не было конца. Такихъ случаевъ было со мной много. Все это привело бухарцевъ къ тому убѣжденію, что я хватаю съ неба звѣзды, вижу насквозь всякаго человѣка, знаю всѣ языки міра и въ томъ числѣ арабскій и персидскій, но только изъ хитрости на нихъ не говорю. Конечно, все это имѣло хорошую сторону, ибо возвышало въ Бухарѣ значеніе русскихъ, но съ другой стороны, кажется, многого мнѣ не показывали и не говорили ради именно этой моей «мудрости».

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Ташкента я имѣлъ намѣреніе склонить эмира къ устройству почты между Бухарою и Катты-Курганомъ (190 верстъ). Такимъ образомъ, установилось бы, наконецъ, столь желаемое торговнымъ сословіемъ правильное почтовое сообщеніе между русскими городами и Бухарою. Всякому здѣсь хорошо извѣстно, какія затрудненія дѣлаетъ этотъ маленький 190-верстный перерывъ. Всѣ письма изъ Бухары до нашей границы и обратно приходится пересылать съ оказіями, невѣрными и ненадежными, а между тѣмъ бываютъ времена, когда отъ своевременной послыжки письма зависятъ большіе барыши и убытки. Къ тому же масса бухарскихъ купцовъ и прикащиковъ ежегодно ѣздитъ и живетъ въ Оренбургѣ, Нижнемъ, Москвѣ и, понятно, очень желала бы быть въ постоянныхъ и правильныхъ сношеніяхъ съ Бухарою. Приступая къ исполненію этого дѣла, я давно уже просилъ Агима-Ходжи Юнусова написать мнѣ проектъ объ устройствѣ такого почтового сообщенія, примѣняясь къ мусульманскимъ возрѣніямъ. Проектъ вышелъ на славу. Предисло-

¹⁾ Завѣдывающій хозяйственною частію въ медрессѣ, въ родѣ нашего эконома въ монастыряхъ.

²⁾ Юродивые очень уважаемы въ Бухарѣ.

не его, какъ тому и слѣдовало быть, начиналось прямо съ Кора-рана, и затѣмъ развивалась общая мысль и ея примѣненіе на практикѣ. Проектъ этотъ я, показавъ дорогою Мирахуру и получивъ отъ него въ отвѣтъ, что все это, пожалуй, очень хорошо, но для Бухары не нужно, ибо прежде ничего такого не было. — Да вѣдь прежде все было хуже, Мирахуръ, — возразилъ я, забывъ, что бесѣдую не съ европейцемъ; а съ каждымъ годомъ все становится лучше и лучше. «Нѣтъ, говорилъ мнѣ убѣдительнымъ тономъ мой пріятель, прежніе люди были умнѣе и лучше; они и увидѣли раньше насъ Бога». Я замолчалъ, ибо возражать на это было нечего. Въ Бухарѣ я поднималъ этотъ вопросъ опять, и опять получивъ на него тотъ же отвѣтъ.

Не лучшую участь имѣли и другія мои попытки и порученія. Такъ, меня просили выискать деньги съ Якуба-Мацума, который самъ желалъ, какъ мнѣ извѣстно, отдать деньги и только боялся эмира. Но его нарочно удалили изъ Бухары, чтобы я не могъ его самъ къ себѣ потребовать.

Съ чувствомъ обманутыхъ ожиданій и неисполнившихся надеждъ оставилъ я, 22 мая въ 6 часовъ вечера, Бухару. Утромъ въ день нашего отъѣзда шелъ очень большой и рѣдко бывающій въ Бухарѣ дождь. Засохшія деревья позеленѣли, пыль улеглась, и мы весело доѣхали до Богоуэдина (8 верстъ), монастыря города Бухары. Я не нахожу теперь возможнымъ вдаваться въ подробное описаніе этой знаменитой въ мусульманскомъ мірѣ обители; отлагаю это до другого мѣста и другого времени. Здѣсь же слѣшу записать только первое, свѣжее впечатлѣніе отъ этой мусульманской святыни. Мазари Богоуэдинъ — вертецъ самыхъ безобразнѣйшихъ, нахальнѣйшихъ и назойливѣйшихъ нищихъ, похожихъ скорѣе на разбойниковъ по большимъ дорогамъ, чѣмъ на лицъ, живущихъ добродетельными подаяніями. Нигдѣ у насъ я не видалъ такого громаднаго скопленія ихъ, какъ въ Богоуэдинѣ. Я слышалъ, что въ праздничное время число ихъ доходитъ до 50 и 60 т. человѣкъ и болѣе.

Дорогу до Катты-Кургана я также не буду описывать, ибо она уже давно описана. Остановлюсь только на Керминѣ, гдѣ я видѣлся съ его бекомъ, Гюра-Джаномъ, 13-ти-лѣтнимъ сыномъ эмира. Въ Кермине мы пріѣхали 23-го мая, и послѣ обычныхъ встрѣчъ тотчасъ же представились маленькому беку. Пріемъ былъ очень торжественный, съ войсками. Чтобы замаскировать передо мною ихъ малое число, солдаты были разставлены въ одну линію шага на два другъ отъ друга. Лошадь мою хотѣли было ввести въ самую цитадель, но я слѣзъ съ нея у воротъ. Google

Свиданіе съ сыномъ эмира продолжалось не болѣе пяти минутъ. Бѣдный мальчикъ былъ такъ сконфузень, что рѣшительно не произнесъ ни одного слова, несмотря на то, что приближенный его, Насрадинъ Токсаба, очень внушительно упрашивалъ его, сказать что-нибудь дорогому гостю. По уходѣ на меня надѣли очень хорошій халатъ; подвели очень порядочную лошадь и затѣмъ прислали на дорогу 1000 монетъ. Цѣлый день мы пробыли въ Керминѣ въ домѣ Насрадина Токсабы, весьма хорошаго, повидимому, человѣка; онъ долгое время торговалъ въ Оренбургѣ, бывалъ въ Нижнемѣ и знаетъ нѣсколько по-русски. Въ вишлагѣ Мирѣ, въ 28-ми верстахъ передъ Катты-Курганомъ, мы распростились съ Мирахуромъ, отправившимся прямою дорогою въ Шахрисябъ къ эмиру. 25-го мая, я вѣхалъ въ Катты-Курганъ, 27-го числа въ Самаркандъ, гдѣ прожилъ 7 дней, и 7-го іюня въ Ташкентъ, пробывъ въ дорогѣ полтора мѣсяца и едѣлавъ верхомъ болѣе тысячи верстъ.

Н. ПЕТРОВСКІЙ.

Ташкентъ, 1872.

